

ПРАВО

№ 19.

1910 г.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владиміръскій просп. д. № 19. Телефонъ 41—61.

КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

- АНДРЕЕВСКИЙ, С.** Защитительныя рѣчи. Изд. 4-ое. 1909 г. Ц. 3 р.
- ✦ **Апушкинъ, В. А.** Русско-Японская война 1904—1905 г. 1910 г. Ц. 1 р. 75 к.
- БАЛАБАНОВЪ, М.** Фабричныя законы, съ разъясненіями. Изд. 2-ое. 1909 г. г. Ц. 1 р.
- БЕНЕДИКТЪ, Э.** Адвокатура нашего времени. 1910 г. Ц. 1 р.
- БЕРНГЕФТЪ, Ф. и КЕЛЛЕРЪ, І.** Гражданское право Германіи. 1910 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ✦ **Берже, А.** Воздушный путь. (Введеніе къ изученію воздухоплаванія). 1910 г. Ц. 2 р.
- ✦ **Врачебно-полицейскій надзоръ за городской проституціей.** 1910 г. Ц. 1 р.
- ✦ **Вѣстникъ Европы.** Май. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ГЕССЕНЪ, В. М.** Подданство, его установленіе и прекращеніе. 1909. Ц. 3 р.
- **Исключительное положеніе.** 1908 г. Ц. 2 р.
- ГЕССЕНЪ, І. В.** Узаконеніе, усыновленіе и внѣбрачныя дѣти. Изд. 2-ое, перераб. и дополн. 1910 г. Ц. 1 р. (въ перепл.)
- ✦ **Гефлеръ, А.** Основныя ученія логики. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ДЪЯКОНОВЪ, М.** Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Т. I. Изд. 3-е. 1910 г. Ц. 2 р. 75 к. (въ перепл.)
- ЕЛЪЯШЕВИЧЪ, В.** Юридическое лицо, его происхожденіе и функции въ римскомъ частномъ правѣ. 1910 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ✦ **Завѣщаніе адвоката** 1910 г. Ц. 25 к.
- ЗМИРЛОВЪ, К. П.** Общій уставъ россійскихъ жел. дор. съ разъясненіями. Изд. 2-ое. 1909 г. Ц. 6 р.; въ перепл. 6 р. 50 к.
- ✦ **Каутскій, К.** Размноженіе и развитіе въ природѣ и обществѣ. 1910 г. Ц. 1 р. 80 к.
- КОРФЪ, С. А.** Административная юстиція въ Россіи. Два тома. 1910 г. Ц. 5 р.
- КУЛИШЕРЪ, І. М.** Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. Изд. 2-ое, исправл. и допол. 1910 г. Ц. 2 р. 50 к.
- МАСЛОВЪ, П.** Теорія развитія народнаго хозяйства. 1910 г. Ц. 2 р.
- ✦ **„Московскій Ежедневникъ“.** № 17. 1910 г. Ц. 15 к.
- ✦ **Новѣйшій сборникъ программъ** и условій приѣма женщинъ въ русскія и заграничныя высшія учебныя заведенія. 1910 г. Ц. 80 к.
- ✦ **„Русская Мысль“.** Май. 1910 г. Ц. 1 р.
- ✦ **Святковскій, Л. Д.** Настольная справочная книга по перевозкамъ пассажировъ, багажа и грузовъ съ пассаж. и товарными поѣздами. Изд. 2-ое. 1910 г. Ц. 6 р. 50 к. въ перепл.
- СТИФЕНЪ, Д.** Очеркъ доказательственнаго права. Переводъ съ вступит. статьями П. И. Люблинскаго. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ✦ **Усовъ, И. М.** Полный курсъ основн. бухгалтеріи для самообразованія и коммерческихъ училищъ. 1909 г. Ц. 3 р.
- ЦВѢТКОВЪ, И. С.** Практика Правительствующаго Сената по гражданскому и общему собранію I-го, 2-го и кассационныхъ Департаментовъ за 1901—1908 г.г. 1910 г. Ц. 2 р. (въ перепл.)
- ✦ **Энгель, Г.** Очеркъ теоріи общества и права. 1910 г.
- ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ ОСТРОГОРСКОГО НА 1910 г.** Ц. 1 р. 50 к., въ кож. перепл. 1 р. 80 к. (осталось небольш. колич. экзempl.)
-
- ✦ **Beseler, C.** Beitrage zur Kritik der römischen Rechtsquellen. T. 1910 г. Ц. 1 р. 80 к.
- ✦ **Böhm, W.** Über Aktionärschutz nach deutschem, englischem und französischem Recht. M. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ✦ **Feuchtwander, S.** Staatliche Submissionspolitik in Bayern. S. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- ✦ **Friedlaender, L.** Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. L. 1910 г. Ц. 6 р.
- ✦ **Hägermann, G.** Die Erklärungen der Menschen und Bürgerrechte in den ersten amerikanischen Staatsverfassungen. B. 1910 г. Ц. 2 р. 10 к.
- ✦ **Junge, Fr. E.** Amerikanische Wirtschaftspolitik. B. 1910 г. Ц. 3 р. 50 к.
- ✦ **Leonhard, R.** Agrarpolitik und Agrarreform in Spanien unter Carl III. Y. 1909. г. Ц. 3 р. 75 к.
- ✦ **Mand, R.** Die Änderungen des Gerichtsverfassungsgesetzes, der Zivilprozessordnung, des Gerichtskostengesetzes, des Gebührenordnung für RU in Kraft ab 1 April 1910. T. 1910 г. Ц. 50 к.
- ✦ **Naumann, F.** Die politische Parteien. B. 1910 г. Ц. 1 р.
- ✦ **Stammler, R.** Aufgaben aus dem Römischen Recht. L. 1910 г. Ц. 1 р.
- ✦ **Strakosch, S.** Erwachende Agrarländer. B. 1910. Ц. 3 р.
- ✦ **Schmidt, R.** Der Prozesz und die staatsbürgerlichen Rechte. L. 1910. Ц. 50 к.
- ✦ **Strutz.** Betrachtungen zur Reuchszuwachsteuer. B. 1910. Ц. 1 р.
- ✦ **Thiele, G.** Lateinkursus für juristen. Ein Hilfsbuch zur sprachlichen Einführung in die Quellen des Römischen Rechts. I. T. Institutionen. B. 1910 г. Ц. 1 р. 30 к.
- ✦ **Vogt, E.** Rechtmässige Eingriffe des Staates in subjektive Privatrechte nach der Praxis des schweizerischen Bundesgerichts A. 1910. Ц. 1 р. 30 к.

П Р А В О

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1910 г.

№ 19.

Воскресенье 9 Мая.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора В. М. Гессена, Г. В. Гессена, проф. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, профессоръ бар. Б. Э. Нольде, М. Я. Перламента и Л. И. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) А. Ф. Кистяковскій. М. Гернетъ. 2) Обь „опасномъ состояніи“ преступника, какъ критеріи мѣръ соціальной защиты. В. Д. Набокова. 3) Обь одной защитѣ эмоціональной теоріи права. Н. Палиенко. 4) Пріобрѣтеніе недвижимой собственности евреями-купцами. Д. Хіенкина. 5) Судебные отчеты: а) Правит. сенатъ. (Дѣло прис. пов. Барона). б) С.-петербургскій окружный судъ. (Дѣло обь убійствѣ вдовы офицера Дойнатовича). 6) Хроника. 7) Диспутъ въ с.-петербургскомъ университетѣ. 8) Библиографія. В. Н. Новиковъ и Д. С. Постолюковскій. Законы уголовныя. П. Ц—кина. 9) Отвѣты редакціи. 10) Справочный отдѣлъ. 11) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ — 10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на много-родній 50 к., въ остальныхъ случаяхъ—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1910 годъ.

А. Ф. Кистяковскій.

(Рѣчь на открытіи общаго собранія русской группы международнаго союза криминалистовъ).

13 января текущаго года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти Александра Федоровича Кистяковскаго, имя котораго особенно дорого русскому криминалисту.

Наука уголовного права въ Россіи не такъ стара своими годами, какъ она стара на Западѣ. У насъ ей какихъ-нибудь 100 лѣтъ, а въ Итали, Франціи, Германіи она считаетъ себя 400—300 лѣтъ. Ея служители на Западѣ составляютъ громадную рать со многими тысячами рядовыхъ ученыхъ, жившихъ и умершихъ въ безвѣстности, но и со многими десятками прославленныхъ передовыхъ борцовъ, развернувшихъ новыя знамена, съ героями-полководцами, побѣдителями и побѣжденными, одинаково умѣвшими приковывать къ себѣ общее міровое вниманіе, заставлявшими законодателей подъ свою диктовку писать новыя уголовныя уложенія.

Не такъ обстоитъ дѣло въ Россіи. На громадномъ пространствѣ нашего отечества уни-

верситеты являются рѣдкими оазисами. Русскіе криминалисты составляютъ лишь маленькую горсточку, и у насъ не было своихъ Бентамовъ, Беккарій и Ломброзо. Молодая наука уголовного права была и до извѣстной степени остается до сихъ поръ ученицей нѣмецкой и итальянской науки.

Но и въ этой маленькой горсточкѣ русскихъ криминалистовъ есть незабвенныя имена. Александру Федоровичу Кистяковскому принадлежитъ въ ней почетнѣйшее мѣсто, признанное за нимъ цѣлымъ рядомъ криминалистовъ и ученыхъ другихъ специальностей. О немъ писали Чубинскій, Бѣлогриць-Котляревскій, Владиміровъ, Фойницкій, Викторскій, Тальбергъ, Муромцевъ, Модестовъ, Лучицкій, Антоновичъ и др. Въ годъ его смерти его память была почтена особымъ собраніемъ московскаго юридическаго общества, почетнымъ членомъ котораго и московскаго университета онъ состоялъ. Десятилѣтіе со дня его смерти было ознаменовано посвященіемъ его памяти очередной книги историческаго журнала его родного края. Проходитъ еще пятнадцать лѣтъ, и первыя страницы перваго номера новаго московскаго юридическаго журнала вновь рисуютъ передъ нами черты «этого слу-

жителя правды, глашатая общаго правосознанія». (Вопросы права, статья С. А. Муромцева, стр. 4).

Вотъ почему съ чувствомъ сознавія исполненія нравственной обязанности я принялъ приглашеніе комитета нашей группы криминалистовъ припомнить въ нашемъ сегодняшнемъ собраніи образъ дорогого намъ ученаго.

А. Ф. Кистяковский, сынъ сельскаго священника, родился 14 марта 1833 г. Свое образованіе онъ получилъ въ уѣздномъ духовномъ училищѣ и въ духовной семинаріи, по окончаніи которой поступилъ на юридическій факультетъ кіевскаго университета.

Въ тяжелыя времена пришлось А. Ф. учиться въ семинаріи и въ университетѣ. О его пребываніи въ семинаріи сохранились его воспоминанія, изъ которыхъ мы узнаемъ, что, напри- мѣръ, ректоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ богословія объявилъ своимъ слушателямъ, что будетъ считать преуспѣвающимъ въ богословскихъ наукахъ лишь того, кто обратитъ въ православіе по крайней мѣрѣ одного еврея. Въ печальныя для русской юриспруденціи времена кіевскаго университета протекали и студенческіе годы Кистяковского. Впослѣдствіи, вспоминая ихъ, всегда чрезвычайно сдержанный въ своихъ отзывахъ, онъ далъ о преподавателяхъ-профессорахъ самый рѣзкій отзывъ. Онъ назвалъ большинство изъ нихъ простыми передатчиками свода законовъ. Профессоръ государственнаго права излагалъ по своду законы о центральныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, о четырнадцати классахъ, орденахъ и мундирахъ. Курсъ гражданскаго права былъ «курсомъ болтовни». Профессоръ энциклопедіи права былъ лучше другихъ, но только потому, что читалъ по печатному курсу проф. Неволіна. Профессоромъ же по уголовному праву былъ Богородскій, «свѣтило первой величины» среди товарищей. Его учебникъ былъ «снимкомъ съ нѣмецкихъ учебниковъ», но съ нѣкоторыми измѣненіями, находящими себѣ объясненіе въ личности этого учителя молодежи и въ особенностяхъ времени импер. Николая I. Онъ не соглашался съ нѣмецкими учителями, когда они отстаивали публичность суда. Онъ находилъ неправильными ихъ доводы въ пользу гласности процесса. Онъ совершенно игнорировалъ вопросы о расточавшихся русскими судами тѣлесныхъ наказаніяхъ, о практиковавшемся въ широкихъ размѣрахъ клейменіи преступниковъ. Но онъ поступалъ такъ лишь до того времени, пока не произошло измѣненія во взглядахъ самого правительства. Какъ скоро такая перемѣна произошла, Богородскій счелъ своимъ долгомъ также измѣниться и въ ту же сторону. И на этотъ разъ уже въ полномъ согласіи съ нѣмецкими учебниками онъ началъ отстаивать, и гласность и публичность процесса и даже объявилъ ихъ лучшими формами суда.

Таковы были учителя Кистяковского. Имъ не

принадлежитъ чести пробужденія въ молодомъ студентѣ стремленія къ научному знанію. Сынъ скромнаго сельскаго священника, бурсакъ, разставшійся съ бурсою, голодный пришелъ въ университетъ за знаніемъ. Ему не только его не дали, но сдѣлали все, чтобы затушить ту искру, которая тлѣла въ груди Кистяковского и, разгорѣвшись въ пламя, захватила все его существо и сдѣлала его для насъ факеломъ права и правды.

Послѣ окончанія университетскаго курса въ 1857 г., Кистяковский не могъ тогда же начать свою научную работу, такъ какъ его преподаватели выпустили его лишь со званіемъ дѣйствительнаго студента, а не кандидата правъ, что было необходимо для оставленія при университетѣ. Ни это обстоятельство, ни тяжелыя матеріальныя условія, заставившія К. тянуть шесть лѣтъ лямку мелкаго чиновника, жить въ углѣ, пользоваться вмѣсто стола подоконникомъ не сломили его упорства въ стремленіи посвятить себя ученой работѣ. Въ 1863 г., на зарѣ русской общественности, онъ передерживаетъ экзамены и въ памятный 1864 г., становится приватъ-доцентомъ кіевскаго университета по кафедрѣ уголовного права, а съ 1868 г. и профессоромъ этого университета и остается въ немъ до конца своей жизни.

Начало преподавательской дѣятельности Кистяковского совпадаетъ съ началомъ эпохи реформъ въ Россіи. Вопросы живой практической дѣятельности нуждались въ научномъ освѣщеніи и разрѣшеніи. Такая ученая работа вполне отвѣчала характеру проф. Кистяковского, не расходилась съ господствовавшимъ тогда направле- ніемъ въ наукѣ уголовного права.

Оно характеризовалось полнѣйшею отрѣшен- ностью отъ жизни, было преисполнено, по выра- женію Кистяковского, «діалектическими точко- стями», пропитано «заморской философіей», по- крыто «схоластическими наростами». Но такая наука казалась Кистяковскому «безжизненной, неприложимой и лишней», а между тѣмъ она «должна служить не для развитія только головы, не для оправданія существующаго, а должна быть свѣточемъ въ прогрессивномъ движеніи на- рода». При такомъ взглядѣ на задачи науки, Кистяковский—первый изъ русскихъ криминали- стовъ явился проводникомъ позитивнаго метода.

Свои взгляды на методы науки уголовного пра- ва онъ развилъ въ статьѣ «Собраніе и разработка матеріаловъ обычнаго права». Объясняя успѣхи естественныхъ наукъ оставленіемъ въ сторонѣ теоріи матафизиковъ съ ихъ абсолютными на- чалами, Кистяковский указываетъ на экспедиціи по изслѣдованію флоры и фауны и предлагаетъ такимъ же путемъ изучать уголовное право. Нѣ- сколько позднѣе, въ 1878 году, онъ переработалъ составленную имъ ранѣе специальную программу для собиранія юридическихъ обычаевъ и народ- ныхъ воззрѣній по уголовному праву. Небольшая по объему, она является для насъ чрезвычай- но интереснымъ документомъ для характеристики

научнаго направленія Александра Федоровича. Она призываетъ криминалистовъ къ изученію причинъ преступности ранѣе, чѣмъ зародилась на Западѣ антропологическая и социологическая школы. Первые пункты программы посвящены выясненію именно этихъ вопросовъ. Такъ, въ третьемъ вопросѣ мы читаемъ: «нельзя ли подмѣнить у народа такихъ причинъ происхожденія преступленій, какъ: дурного воспитанія и дурного примѣра со стороны родителей, бѣдности, идиотизма, несчастнаго столкновенія страстей. Не встрѣчаются ли среди народа такія семьи, которыя отъ дѣда и прадѣда извѣстны своими преступными наклонностями, и не передается ли ядъ преступности по наслѣдству?.. 4-й вопросъ: встрѣчаются ли среди народа преступники по ремеслу, занимающіеся какимъ нибудь специальнымъ видомъ преступленія?..

Въ тѣхъ частяхъ программы, которыя посвящены изслѣдованію отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, мы встрѣчаемъ эти же вопросы о причинахъ преступленій. Такъ, въ отдѣлѣ преступленій противъ собственности снова ставится вопросъ онуждѣ, наслѣдственности и дурномъ примѣрѣ. Относительно дѣтоубійства предлагается выяснять отношеніе народа къ убійству матерью вѣбрачнаго ребенка. Относительно мошенничества рекомендуется изучать сравнительное значеніе условій городской и сельской жизни, какъ факторовъ этого преступленія.

Мы могли бы значительно увеличить число этихъ примѣровъ, но достаточно и перечисленныхъ. Можетъ быть, приведенныя нами точныя выраженія программы Кистяковского: «преступники по ремеслу», «наслѣдственность преступности», значеніе бѣдности, какъ причины преступленій, и звучатъ теперь совершенно обычно для нашего уха, но не забудемъ, что мы беремъ ихъ изъ покрытой пылью брошюры 1878 г. и признаемъ, что проф. Кистяковскому принадлежитъ не только честь выясненія значенія позитивнаго метода, но и приглашенія криминалистовъ задуматься надъ тѣми самыми вопросами, которые волнуютъ насъ или только теперь или такъ недавно и которыми онъ болѣлъ такъ давно. Самъ Кистяковскій обратился къ выясненію причинъ преступности въ своей книгѣ: «Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія. Кіевъ 1878 г.», гдѣ доказывалъ социальное происхожденіе преступности. «Сорная трава не произрастаетъ на почвѣ, гдѣ вѣтъ условій для ея произрастанія», говорилъ онъ и доказывалъ это при помощи статистическаго метода.

Высказываясь за социальное происхожденіе преступности, А. Ф. Кистяковскій доказывалъ, что и все уголовное право, т. е. понятіе преступления и содержаніе карательной дѣятельности каждой страны находится въ прямой связи съ ея общественнымъ укладомъ. Каждой стадіи экономическаго развитія соответствуетъ особая формація уголовного права. Кистяковскій не

разъ удѣлялъ свое вниманіе этому вопросу какъ въ курсѣ лекцій, такъ и въ другихъ своихъ работахъ. Авторъ пользовался въ этихъ случаяхъ совершенно новымъ для криминалистовъ того времени историко-сравнительнымъ методомъ и призывалъ ихъ изучать именно при помощи такого метода уголовное право современныхъ дикарей и цивилизованныхъ народовъ. Недостатокъ фактическаго матерьяла не всегда позволялъ автору развернуть картины широкаго историческаго обобщенія, но никто не сдѣлалъ въ Россіи такъ много для исторіи уголовного права, какъ онъ.

Вопросы борьбы съ преступностью привлекали къ себѣ особенное вниманіе А. Ф. Кистяковского. Въ полномъ согласіи со своими взглядами на общественныя причины преступленій, онъ еще въ 1878 г. развиваетъ теорію о перевоспитаніи юнаго преступника и подробно изслѣдуетъ плачевное состояніе этого дѣла въ Россіи. Вообще, критика Кистяковскимъ мѣръ борьбы съ преступностью въ Россіи не устарѣла и для нашихъ дней. Онъ называлъ тюрьмы «проклятыми школами преступленій и разврата», а онѣ переполнены въ настоящее время такъ, какъ никогда; онъ съ исчерпывающею полнотой привелъ всѣ доводы противъ тѣлесныхъ наказаній, но они съ новою силою примѣняются въ каторжныхъ тюрьмахъ и исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ; онъ, наконецъ, въ своей диссертациі, напечатанной болѣе сорока лѣтъ тому назадъ—въ 1867 г., требовалъ отмѣны смертной казни, противъ которой боретесь и протестуете вы, гг. теоретики и практики криминалисты. Нѣкоторые могутъ не знать многихъ изъ работъ Кистяковского, но его книгу о смертной казни знаютъ всѣ. Это—его лучший памятникъ. Въ немъ собранъ богатѣйшій историческій и статистическій матерьялъ и ярко подчеркнута зависимость примѣненія смертной казни отъ классоваго неравенства въ обществахъ и отъ ихъ политической структуры. Трудно сказать что-нибудь новое противъ смертной казни, чего бы не говорилъ Кистяковскій. Когда, годъ тому назадъ, русскіе криминалисты выступили со специальнымъ протестомъ противъ смертной казни, они положили въ основаніе книги доводы проф. Кистяковского и отвели имъ почетное мѣсто.

Въ самомъ близкомъ отношеніи къ области мѣръ борьбы съ преступностью стоятъ тѣ вопросы уголовного процесса, которыми занимался покойный. Его работа *pro venia legendi* и докторская диссертация 1868 г. были на тему: «О пресѣченіи обвиняемому уклоняться отъ слѣдствія и суда». Въ нихъ онъ убѣжденно и заботливо ограждаетъ интересы личности обвиняемаго и требуетъ допущенія защиты при обсужденіи вопроса о принятіи этихъ мѣръ пресѣченія (назван. раб. 185 стр.).

Насколько были дороги ему лучшія начала судебныхъ уставовъ, видно изъ частаго обраще-

нія его къ работамъ о нихъ. Но Александру Федоровичу было суждено не только видѣть введеніе въ жизнь этихъ уставовъ, но и постепенное ихъ угасаніе и вымираніе не естественною смертью, а медленное и мучительное умерщвление подъ ножомъ разрастающейся реакціи. Насколько глубоко и искренне было служеніе Кистяковского идеаламъ судебныхъ уставовъ, видно изъ эпизода, который не могу не передать. Это было ночью съ 12 на 13 января 1885 г. Кистяковский умиралъ. Консилиумъ врачей уже призналъ его положеніе безнадежнымъ. У кровати умирающаго сидѣлъ его товарищъ-профессоръ Антоновичъ. Александръ Федоровичъ разспрашивалъ о ходѣ дѣла въ текущей сессіи окружнаго суда и, услышавъ характеристику нѣкоторыхъ дѣлъ и отношеніе къ нимъ суда присяжныхъ, овъ въ послѣдній разъ оживился, привсталъ на постели и громко произнесъ: «я всегда утверждалъ, что институтъ присяжныхъ—святое дѣло въ нашемъ отечествѣ». Затѣмъ овъ склонилъ голову на подушку, и голосъ его сталъ все болѣе и болѣе ослабѣвать. Черезъ часъ его не стало.

Такъ умеръ Кистяковский.

Господа, теперь, когда со дня его смерти прошло 25 лѣтъ, я обращаюсь къ наблюденію окружающей насъ дѣйствительности и спрашиваю себя: кѣмъ же умеръ Кистяковский—побѣдителемъ или побѣжденнымъ? Проведены ли въ жизнь его научные идеалы? Имѣемъ ли мы, наконецъ, то, что онъ отстаивалъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ?

Нѣтъ! Не отмѣнена смертная казнь, и безчисленны ея жертвы. Гласность и публичность процесса не только не завоевали себѣ большаго поля, но потеряли многое изъ того, что имѣли, и такъ часто принуждаются удалиться оттуда, гдѣ онѣ должны быть, такъ какъ безъ нихъ наступаетъ тьма и смерть правды. Святой для Кистяковского институтъ присяжныхъ урѣзанъ, изломанъ, исковерканъ и на его развалинахъ работаютъ суды другихъ наименованій...

Да, Кистяковский разбитъ.

Но пойдѣмъ на его могилу и низко-низко поклонимся ему—побѣжденному. И скажемъ ему, чтобы онъ, усталый борецъ, спалъ спокойно. Скажемъ ему, что мы еще боремся за его дѣло, что мы вѣримъ въ святость этого дѣла, что рано или поздно придетъ желанная побѣда.

Мих. Гернетъ.

Объ «опасномъ состояніи» преступника, какъ критеріи мѣръ соціальной защиты ¹⁾.

(Окончаніе).

III.

На общія соображенія подобнаго рода обыкновенно отвѣчаютъ «практическими» доводами. Но именно по отношенію къ данному вопросу

¹⁾ См. „Право“, № 18.

эти практическіе доводы исходятъ изъ ряда недоразумѣній.

«Необходимо, говоритъ проф. Прэнсъ, реагировать противъ рутины судовъ, которые, когда имъ приходится судить данное лицо за данное преступленіе, ограничиваются примѣненіемъ юридической формулы, даваемой текстомъ кодекса, не заботясь о способѣ жизни, о средѣ, объ инстинктахъ, о предрасположеніяхъ, о психической природѣ обвиняемаго». Это—изложенное другими словами ходячее обвиненіе по адресу такъ называемой классической школы, которую упрекаютъ въ томъ, что она занималась отвлеченнымъ понятіемъ преступленія, игнорируя живую личность преступника. Мы думаемъ, однако, что если современные уголовные кодексы дѣйствительно отпращиваются отъ оцѣнки свойствъ совершеннаго преступленія, и если—по нашему глубокому убѣжденію—невозможенъ уголовный кодексъ, построенный на иномъ основаніи, это отнюдь не препятствуетъ осуществленію совершенно правильной мысли, согласно которой судья оцѣниваетъ данное дѣяніе не какъ нѣчто отвлеченно теоретическое, а принимаетъ въ соображеніе и выразившіяся въ тѣхъ или другихъ реальныхъ чертахъ этого дѣянія субъективныя особенности дѣятеля. Для этого, однако, необходимо одно общее условіе: поскольку наказаніе сохраняетъ характеръ мѣры уголовного правосудія, необходимо, чтобы признаки «опаснаго состоянія» поддавались опредѣленію и были опредѣлены въ уголовномъ законѣ, и чтобы они имѣли уголовно-юридическій характеръ, или, выражаясь современнымъ юридическимъ языкомъ,—были уголовно-релевантны.

Для развитія и поясненія этого положенія, я коснусь тѣхъ формулъ, помощью которыхъ современные законодатели и современные теоретики пытаются предусмотрѣть и охарактеризовать «опасныя состоянія». Не претендуя на исчерпывающій перечень, остановлюсь только на наиболѣе яркихъ примѣрахъ.

Возьмемъ извѣстный § 65 норвежскаго уголовного уложенія. Онъ постановляетъ, что если преступникъ признанъ виновнымъ въ двухъ или болѣе преступленіяхъ (оконченныхъ, либо оставшихся въ стадіи покушенія), судъ можетъ предложить на разрѣшеніе присяжныхъ вопросъ о томъ, не долженъ ли обвиняемый, во вниманіе къ роду преступленія, къ лежащимъ въ его основаніи мотивамъ или же къ проявляющемуся въ немъ характеру (*Gesinnung*) обвиняемаго, быть признанъ особенно опаснымъ для челоѣческаго общества, или для жизни, здоровья или благосостоянія отдѣльных лицъ. При утвердительномъ отвѣтѣ, въ приговорѣ можетъ быть опредѣлено, что осужденный можетъ быть оставленъ въ тюрьмѣ и послѣ отбытія назначеннаго по приговору срока, но не долѣе, какъ на время, вдвое продолжительнѣе этого срока, и во всякомъ случаѣ не долѣе, какъ на пятнадцать лѣтъ.

Нельзя попутно не отметить, что эта статья, как указал Hagerup на съездъ бюро въ Амстердамъ, до настоящаго времени остается мертвой буквой. Судъ не рѣшается предлагать присяжнымъ вопросъ объ опасности, такъ какъ, повидимому, нѣтъ увѣренности въ томъ, что для народнаго правосознанія постановка такого вопроса на судъ окажется приемлею и понятною. Но какъ бы то ни было, въ самомъ своемъ основаніи мысль норвежскаго уложенія не вызываетъ возраженій, съ той точки зрѣнія, которую я защищаю. Дѣйствительно, здѣсь «опасное состояніе» личности проявляется въ признакахъ, которые должны выразиться въ самомъ преступномъ дѣяніи и характеризовать степень вины преступника. Прежде всего для этого требуется повтореніе преступныхъ дѣяній. Далѣе, принимаются во вниманіе свойства самаго преступления, т. е. тяжесть его, категория, къ которой оно относится, форма его совершенія и т. п. Затѣмъ—мотивы: даже съ точки зрѣнія теоріи возмездія въ ея наиболѣе узкомъ и теперь уже устарѣвшемъ смыслѣ, естественно, что особенно низменные мотивы отражаются на оцѣнкѣ преступления, производимой судомъ. Не даромъ наше старое уложеніе говоритъ, что в и н а учинившаго какое либо преступленіе... увеличивается по мѣрѣ того..., чѣмъ болѣе противозаконны и безнравственны были побужденія его къ сему преступленію. И точно также по отношенію къ «Gesinnung»: то же наше уложеніе признаетъ, что вина тѣмъ больше, «чѣмъ болѣе было жестокости, гнусности или безнравственности въ дѣйствіяхъ, коими преступленіе было предуготовляемо, приводимо въ исполненіе или сопровождаемо». Такимъ образомъ, «опасное состояніе» норвежскаго уложенія опредѣляется признаками, которые могутъ быть констатированы судомъ при оцѣнкѣ преступнаго дѣянія. Въ формулировкѣ § 65 мы имѣемъ дѣло съ юридическими категориями. И любопытно, что срокъ заключенія, слѣдующаго за отбытіемъ наказанія, поставленъ въ прямое съ нимъ соотношеніе, чѣмъ еще болѣе подчеркивается соотношеніе между степенью опасности и степенью вины.

Точно также и въ въ англійскомъ Prevention of crime act 1908 года опасный преступникъ есть не что иное, какъ привычный преступникъ (habitual criminal), а подъ послѣднимъ разумѣется многократный рецидивистъ, упорно ведущій безчестный или преступный образъ жизни.

Въ новомъ проектѣ германскаго уголовного уложенія признаки привычнаго или профессиональнаго преступника (§89) устанавливаются въ зависимости отъ количества и тяжести совершенныхъ имъ преступныхъ дѣяній. Такъ называемыя «Sichernde Massnahmen» принимаются въ томъ случаѣ, если преступленіе совершено вслѣдствіе праздности или отвращенія къ работѣ (ср. «тунеядство и праздность» по ст. 32 уг. улож. 1903 г.), причемъ для принятія этихъ

мѣръ необходимо, чтобы преступленіе, совершенное обвиняемымъ, было бы обложено тюрьмой или арестомъ на срокъ не менѣе четырехъ недѣль.

Наконецъ, австрійскій проектъ уголовного уложенія, наряду со многими спорными положеніями, содержитъ въ § 38 правильную мысль, согласно которой «Gemeingefährlichkeit» можетъ быть признана въ виду ряда уже совершенныхъ преступленій и свойствъ послѣдняго преступленія.

Въ преніяхъ по вопросу объ «опасномъ состояніи», происходившихъ въ прошломъ году въ Амстердамѣ, Symons (представитель Голландіи) доказывалъ, что вопросъ сводится къ тому, должно ли это опасное состояніе опредѣляться въ зависимости отъ тяжести преступленія, или отъ рецидива, или отъ того и другого вмѣстѣ. Проф. Гарсонъ, заявляя, что самое слово «état dangereux» никогда не должно быть произнесено закономъ, признавалъ, что есть три категоріи относящихся сюда случаевъ, которые могутъ быть предусмотрѣны закономъ: рецидивъ;—особо тяжкія преступленія, которыя, хотя бы и въ первый разъ учиненныя, свидѣлствуютъ объ опасности преступника и требуютъ «une peine définitive» — элиминирующаго наказанія;—ассоціаціи преступниковъ (шайка) и другіе случаи опаснаго состоянія (бродяжничество, нищенство), въ которыхъ само это опасное состояніе «пепализируется», т. е. получаетъ признаки уголовно-наказуемаго дѣянія.

Prins еще на гамбургскомъ съездѣ задавалъ вопросъ: «какъ вы будете констатировать опасное состояніе, какъ вы установите, что преступникъ ведетъ безчестную жизнь,—какъ вы избѣгнете несправедливости и произвола?»—«Cela résultera du nombre des délits commis ou de la gravité du délit commis». Количество совершенныхъ преступленій или тяжесть хотя бы единичнаго преступленія—вотъ надежный критерій. Равнымъ образомъ и Dupont на томъ же съездѣ заявлялъ: «говоря общимъ образомъ, признаніе опаснаго состоянія преступника будетъ зависѣть отъ числа преступленій и въ частности отъ ихъ природы и тяжести».

Послѣ того, какъ законъ установитъ границы état dangereux, судъ обязанъ будетъ признать его наличность, если будутъ налицо условія, предусмотрѣныя закономъ. Этимъ, по мнѣнію Dupont, будетъ избѣгнута судебный произволъ. На гамбургскомъ же съездѣ Липманъ находилъ необходимымъ установить въ законѣ признаки Gemeingefährlichkeit, причемъ предлагалъ отнести сюда тѣхъ лицъ, «которые уже дважды были наказаны за однородное преступленіе и потомъ совершаютъ новое преступленіе, независимое существеннымъ образомъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ». И, наконецъ, въ совѣмъ недавней своей книжкѣ «La défense sociale», Prins высказываетъ слѣдующія положенія:

«Опасное состояніе дефектнаго преступника

будетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда опасный родъ преступности будетъ связанъ съ опаснымъ родомъ дефектности, и когда судъ, всесторонне освѣдомленный путемъ личной анкеты, зная antecedentes виновнаго, зная обстоятельства дѣла, изучивъ заключенія специалистовъ и слѣдуя правиламъ опыта, здраваго смысла и права, — съ полнымъ знаніемъ дѣла признаетъ наличность этого состоянія». Хотя въ этихъ положеніяхъ право поставлено на послѣднемъ мѣстѣ, но несомнѣнно, что они проникнуты юридическимъ элементомъ, и что принятіе ихъ совмѣстимо съ основными началами уголовного правосудія.

Изъ предыдущаго изложенія можно усмотрѣть, что современная уголовно-юридическая мысль уже сумѣла конкретизировать понятіе «опаснаго состоянія» преступника и установить рядъ случаевъ, въ которыхъ это опасное состояніе, опредѣляемое признаками юридическаго характера, проявленное въ совершенномъ преступномъ дѣяніи, даетъ суду право усилить или вообще видоизмѣнить наказаніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ моменты вины и отвѣтственности сохраняютъ все свое значеніе. Поскольку идетъ рѣчь о мотивахъ, о рецидивѣ, о профессионализмѣ, объ ассоціаціяхъ преступниковъ, уголовный судья имѣетъ дѣло со свойственной ему атмосферой юридическихъ понятій, и объектомъ его оцѣнки является преступное дѣяніе, со всѣми выразившимися въ немъ индивидуальными особенностями преступника. Въ основѣ карательной дѣятельности по прежнему лежитъ оцѣнка преступнаго дѣянія, его свойствъ и тяжести: опасное состояніе, поскольку оно явствуетъ изъ опредѣленныхъ данныхъ уголовно-юридическаго характера, предусмотрѣнныхъ въ уголовномъ кодексѣ, имѣетъ лишь вспомогательное значеніе. Требованія уголовного правосудія несомѣстимы съ постановкой діагноза объ опасности мелкаго преступника, притомъ не профессионала и не рецидивиста. По отношенію къ нему недопустимо принятіе суровыхъ репрессивныхъ мѣръ, хотя бы предсказанія о его дальнѣйшей дѣятельности имѣли опредѣленно отрицательный характеръ. Съ другой стороны, тяжкое преступленіе должно вызвать суровую репрессию, не взирая на то, что въ отдѣльныхъ случаяхъ эта тяжесть сама по себѣ отнюдь не доказываетъ глубокой нравственной испорченности преступника и не даетъ основанія ожидать отъ него повторенія его дѣянія.

Но теоретики «опаснаго состоянія» идутъ въ своихъ требованіяхъ гораздо дальше. Наряду съ признаками юридическаго значенія, они устанавливаютъ иные, независимые отъ самого преступнаго дѣянія, характеризующіе не личность преступника, поскольку она проявилась въ данномъ преступленіи. Они говорятъ о медицинскихъ категоріяхъ «état dangereux», объ эпилептикахъ, алкоголикахъ, опасныхъ помимо совершенія ими того или иного преступнаго дѣянія.

Къ нимъ должны быть примѣняемы мѣры социальной защиты, ничѣмъ не разнящіяся отъ наказанія, нерѣдко весьма суровыя, различныя, въ зависимости отъ того, примѣняются ли онѣ къ излѣчимымъ или неизлѣчимымъ, къ страдающимъ такимъ или инымъ психическимъ дефектомъ.

Отсюда одинъ шагъ и до дальнѣйшаго вывода. Если согласиться съ тѣмъ, что преступленіе есть только одинъ изъ симптомовъ «опаснаго состоянія», что противъ этого опаснаго состоянія возможны и необходимы мѣры социальной защиты принудительно репрессивнаго характера, ничѣмъ по существу своему не отличающіяся отъ наказанія, а по свойству и тяжести соотвѣтствующія не свойству и тяжести преступленія, а степени опасности, представляемой данной личностью, то естественно возникаетъ вопросъ: нужно ли ждать совершенія преступленія для того, чтобы принимать по отношенію къ «опаснымъ» мѣры огражденія?

«Я долженъ согласиться, говорить Листъ въ статьѣ, перепечатанной въ «Aufsätze», т. II, стр. 16, что съ точки зрѣнія нашего воззрѣнія было бы послѣдовательно только принимать въ расчетъ die Gesinnung (психику), не дожидаясь преступленія». Самъ Листъ не дѣлаетъ этого вывода въ названной статьѣ, хотя и не считаетъ его абсурднымъ. Онъ признаетъ лишь, что съ принятіемъ такого вывода пробьетъ для уголовного права послѣдній часъ. Но въ своемъ предварительномъ докладѣ амстердамскому съѣзду Листъ прямо находитъ необходимымъ поставить на очередь обсужденіе, въ числѣ другихъ, также и вопроса о томъ, «признаніе кого-либо опаснымъ зависитъ ли отъ того, что данное лицо уже подвергалось однажды или неоднократно наказанію, или же особыя мѣры леченія или предохранительнаго заключенія (Verwahrung) должны быть принимаемы также по отношенію къ тѣмъ, кто еще не подвергался наказанію или подвергается ему въ первый разъ»? И Prins открылъ засѣданія бюро въ Амстердамѣ заявленіемъ, что «опасное состояніе можетъ быть на лицо независимо отъ совершенія преступнаго дѣянія», и что обсужденію долженъ подлежать главнымъ образомъ вопросъ о классификаціи «опасныхъ». Правда, послѣ энергическихъ возраженій, слышавшихся на собраніи, эта часть вопроса была совершенно снята. На заявленіе Garraud, что нельзя судить за то или другое «состояніе» («on ne peut pas juger des états»), что это дѣло врача, и на прямой его вопросъ, можетъ ли понятіе état dangereux быть распространено и на то время, пока еще не совершено никакого преступленія, фанъ Гамель отвѣчалъ, что «пока мы занимаемся лишь тѣми, кто совершилъ преступное дѣяніе». Но это, очевидно, вопросъ времени. Въ своей послѣдней книжкѣ «la défense sociale», Prins посвящаетъ специальную главу разсмотрѣнію мѣръ социальной защиты, принимаемыхъ «avant le crime», при-

чемъ оказывается, что эти мѣры не относятся къ репрессіи, а имѣютъ характеръ охраны и помощи. Мысли, высказываемыя здѣсь Prins'омъ, очень гуманны и благородны, но остается непонятнымъ, какое имѣетъ отношеніе «*état dangereux*» къ тѣмъ мѣрамъ *d'assistance et de protection*, которыя должны быть здѣсь примѣняемы?

Есть во всякомъ случаѣ и прежде всего одно основное возраженіе противъ оперирования этимъ понятіемъ «*état dangereux*», «*Gemeingefährlichkeit*», поскольку рѣчь идетъ не о лицахъ, доказавшихъ опредѣленными, предусмотрѣнными въ уголовномъ кодексѣ, дѣйствіями ту опасность, которую они представляютъ для правопорядка. Возраженіе это указываетъ на полную расплывчатость и неопредѣленность этого понятія. Въ самомъ дѣлѣ: исторія происхожденія этого «*état dangereux*» въ наукѣ и законодательствѣ показываетъ, что оно всегда было тѣсно связано съ понятіемъ многократнаго рецидива, неисправимости и т. д. Оттого Миттермайеръ—младшій и заявляетъ въ III-мъ томѣ «*Vergleichende Darstellung*»: «такъ какъ мы теперь, какъ и всегда, относимъ понятіе социальной опасности лишь къ той категоріи дѣяній, которыя обнимаются уголовнымъ кодексомъ, то мы будемъ говорить лишь о тѣхъ лицахъ, которыя повторно совершаютъ новыя правонарушенія, хотя, конечно, и внѣ этого круга имѣется большое количество существъ, представляющихъ для общества социальный вредъ». Однако и въ примѣненіи къ рецидивистамъ и «неисправимымъ преступникамъ» Миттермайеръ находитъ, что «изъ сужденій гамбургскаго съѣзда союза криминалистовъ законодатель убѣдился, что еще нужно установить самое понятіе опаснаго состоянія». Что же сказать о значеніи этого понятія, поскольку оно покидаетъ эту сравнительно прочную уголовно-юридическую почву? Если Листъ относитъ къ «медицинскимъ» категоріямъ, среди которыхъ слѣдуетъ искать «опасныхъ»—эпилептиковъ, истериковъ, алкоголиковъ, то Prins зачисляетъ сюда *les dégénérés, les insuffisants, les incomplets, les anormaux profonds* (Déf. soc., 68). Едва ли эта терминологія можетъ служить цѣлямъ научной разработки и классификаціи. Тѣмъ менѣе она пригодна какъ основаніе тѣхъ или другихъ практическихъ мѣръ.

Если самое понятіе «общеполногости» неумовимо, то возможно ли исходить изъ него при установленіи какой-либо формы принудительнаго воздѣйствія со стороны государства? Я думаю, что на этотъ вопросъ не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ отрицательнаго. Я полагаю, что кое какія указанія опыта уже имѣются въ этой области.

Намъ, русскимъ, знакомы и понятія о «неблагонадежности», и о «лицахъ, вредныхъ для общественнаго спокойствія», и о «вредныхъ и порочныхъ членахъ» сельскихъ обществъ: мы

знаемъ, во что могутъ превратиться мѣры предупрежденія и пресѣченія въ отношеніи этихъ лицъ, которыя тѣмъ или другимъ учрежденіемъ признаны «опасными». И мы должны признать, что орудованіе понятіемъ «опаснаго состоянія» личности особенно опасно и нежелательно тамъ, гдѣ приходится думать не о расширеніи правъ административной власти, а, наоборотъ, о введеніи ея въ надлежащія рамки... Предоставленіе ей возможности по своему усмотрѣнію объявлять человека опаснымъ, и безъ тѣхъ гарантій, которыя заключаются въ точной и конкретной формулировкѣ состава преступнаго дѣянія уголовнымъ кодексомъ,—принимать по отношенію къ этому «опасному» лицу весьма серьезныя мѣры «соціальной защиты», въ видѣ лишенія свободы, высылки и т. п.,—это равносильно возведенію въ принципъ того, что фактически является уродливымъ уклоненіемъ отъ функций правового государства.

IV.

Мы намѣтили, такимъ образомъ, двѣ крайнія области, въ которыхъ можетъ ставиться вопросъ объ опасномъ состояніи: въ первой мы имѣемъ дѣло съ преступленіями, въ которыхъ проявилось это опасное состояніе, опредѣляемое признаками уголовно-юридическаго характера. Признаки эти устанавливаются уголовнымъ закономъ, наличность ихъ удостовѣряется судьей, отражаясь на оцѣнкѣ степени виновности. Во второй области мы имѣемъ «опасное состояніе», само по себѣ взятое, не выразившееся въ какомъ либо посягательствѣ: это понятіе, какъ я старался показать, не пригодно для установленія мѣръ соціальной защиты, поскольку въ нихъ входитъ репрессивно-принудительный элементъ. Остается третья—средняя—область: тѣ *catégories médicales* опасныхъ преступниковъ, о которыхъ говоритъ Листъ,—преступные истерики, преступные эпилептики, преступные алкоголики, такъ называемые «*minderwertige*», «*défectueux*». Опасное состояніе въ этихъ случаяхъ зависитъ отъ условій патологическаго характера, отъ недостаточнаго развитія физическаго и психическаго и т. п. Спрашивается: какъ долженъ рѣшаться вопросъ относительно этихъ патологически-опасныхъ лицъ, и есть ли основаніе выдѣлять ихъ и отличать отъ первой категоріи: рецидивистовъ, профессионаловъ и проч.? Я думаю, что на этотъ вопросъ долженъ быть данъ отвѣтъ утвердительный, что въ этихъ случаяхъ избраніе извѣстныхъ мѣръ, предохраняющихъ общество, не входитъ въ область уголовного правосудія.

Вотъ тѣ соображенія, которыя приводятъ, по моему мнѣнію, къ такому выводу.

Коренное и принципиальное различіе между обѣими категоріями заключается въ томъ, что, поскольку мы говоримъ о патологическомъ основаніи опаснаго состоянія, мы имѣемъ дѣло съ

такимъ элементомъ, который вовсе не отражается на оцѣнкѣ вины. Мало того: зачастую можетъ случаться, что лицо, признаваемое патологически-опаснымъ, съ точки зрѣнія юридической несетъ меньшую отвѣтственность. Въ этомъ отношеніи любопытно отмѣтить то затруднительное положеніе, въ которое впади защитники понятія такъ наз. уменьшенной вмѣняемости. Разъ принявъ это двусмысленное понятіе, почерпнутое отчасти изъ обихода «классической» школы, отчасти изъ области медицинской, пришлось признать, что наказаніе для такихъ лицъ должно быть смягчено. Это былъ неизбежный выводъ для юриста, признающаго соотношеніе между размѣромъ кары и степенью вины. Лица съ уменьшенной вмѣняемостью менѣе отвѣтственны, менѣе виновны,—ergo, ихъ слѣдуетъ наказывать мягче. Но, съ другой стороны, они опаснѣе преступниковъ съ полной вмѣняемостью, такъ какъ отъ нихъ скорѣе можно ждать новыхъ преступленій,—и потому надо въ отношеніи ихъ принять особыя мѣры предосторожности. И юридическая мысль тщетно бьется надъ этой дилеммой, ею самою созданной, и приходитъ къ такимъ несостоятельнымъ и ничего не говорящимъ результатамъ, какимъ является тезисъ гамбургскаго съѣзда: для преступниковъ съ уменьшенной вмѣняемостью, опасныхъ или неопасныхъ, необходимо специальное наказаніе или специальный режимъ.—(*«il y a lieu d'instituer une peine spéciale ou un traitement spécial»*)...

Попытки законодательнаго разрѣшенія этого вопроса также еще не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Такъ, проектъ новаго германскаго уложенія, выставляя въ § 63, ч. 2 общій принципъ, что лица съ уменьшенной вмѣняемостью подвергаются наказанію по правиламъ о покушеніи (т. е. значительно смягченному), въ ч. 3 опредѣляетъ, что при приведеніи въ исполненіе этого наказанія принимается во вниманіе психическое состояніе осужденнаго, и самое наказаніе, поскольку это является необходимымъ, отбывается въ специально назначенныхъ учрежденіяхъ или особыхъ отдѣленіяхъ тюрьмы. Австрійскій проектъ устанавливаетъ обязательное смягченіе наказанія только для уменьшенно-вмѣняемыхъ, приговоренныхъ къ смертной казни: для нихъ она замѣняется пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Если же уменьшенно-вмѣняемый приговоренъ къ какому-нибудь изъ видовъ лишенія свободы, то о смягченіи не говорится: § 4 постановляетъ, что если примѣненіе къ такому лицу наказанія въ нормальномъ видѣ должно ухудшить его состояніе, то судъ опредѣляетъ, что наказаніе должно быть приводимо въ исполненіе по правиламъ, установленнымъ примѣнительно къ особенностямъ этихъ лицъ (*«nach den der Eigenart solcher Personen angepassten Vorschriften»*), при чемъ оно отбывается въ особыхъ тюрьмахъ или отдѣленіяхъ (*«in einer besonderen Strafanstalt oder in einer besonderen Einteilung*

einer Strafanstalt oder eines Gefangenhauses»). Наконецъ, швейцарскій проектъ (последней редакціи) строго различаетъ между случаями, когда судъ по свободному усмотрѣнію смягчаетъ наказаніе для уменьшеннаго вмѣняемаго, и тѣми, когда исполненіе наказанія приостанавливается, въ виду того, что осужденнаго приходится, въ интересахъ общественной безопасности, подвергнуть предохранительному заключенію (*Verwahrung*) въ лечебномъ или воспитательномъ заведеніи. Если онъ поправится, то судъ рѣшаетъ, должно ли наказаніе быть приведено въ исполненіе, и въ какомъ размѣрѣ.

Примѣръ судьбы вопроса объ уменьшенной вмѣняемости очень показателенъ для иллюстраціи тѣхъ огромныхъ затрудненій, къ которымъ приводитъ смѣшеніе задачъ и основаній карательной дѣятельности съ требованіями полиціи безопасности. Но такія же затрудненія должны возникнуть и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, когда предполагаютъ суду поручить несвойственную ему функцію органа полиціи безопасности или когда хотятъ замѣнить отправленіе правосудія пріемами медицинскаго изслѣдованія, основанными на иныхъ принципахъ и преслѣдующихъ иные цѣли. Этимъ прежде всего извращается роль уголовного судьи, сглаживается та принципиальная грань, которою отдѣляется судебная дѣятельность отъ административной. Суду предлагаютъ рѣшать вопросъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ примѣнить къ данному лицу, «опасное состояніе» котораго зависитъ отъ обстоятельствъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ уголовному правосудію, не подлежащихъ уголовно-юридической оцѣнкѣ. При чемъ здѣсь уголовный судья? Пока тотъ или другой истерикъ, неврастеникъ, морфинистъ, меланхоликъ не войдетъ въ коллизію съ уголовнымъ закономъ, вопросъ о скрытой опасности, которую онъ, быть можетъ, представляетъ, судьи не касается. Но стоитъ ему совершить самое ничтожное правонарушеніе—и онъ оказывается въ безграничномъ распоряженіи того же уголовного судьи. Здѣсь и непонятный формализмъ, и путаница понятій.

Никто не станетъ спорить, что существуютъ категоріи неуравновѣшенныхъ людей, отъ которыхъ можно всегда ожидать дикихъ и социально-вредныхъ поступковъ. Несомнѣнно, что если эта неуравновѣшенность переходитъ въ настоящую болѣзнь, констатированную должнымъ образомъ и влекущую къ опаснымъ проявленіямъ,—государство имѣетъ полное основаніе вмѣшаться и принять мѣры соціальной защиты. Но эти мѣры находятся внѣ области уголовного права, онѣ по существу ничего общаго съ отправленіемъ уголовного правосудія не имѣютъ. Онѣ примѣнимы и къ непереступникамъ и относятся къ полиціи безопасности. Поскольку въ нихъ заключается стѣсненіе правъ личности, онѣ должны быть обставлены особыми гарантіями. Здѣсь можетъ быть и особая процедура, могутъ быть и особые компетент-

ные органы (желательны коллегіальные). Законодательство должно установить поводы, по которымъ можетъ быть приступлено къ изслѣдованію со стороны подобныхъ органовъ,—и, конечно, однимъ изъ такихъ поводовъ должно быть совершеніе преступнаго дѣянія. Но, какъ правильно указывали и Garçon, и Lepoittevin на амстердамскомъ конгрессѣ, и въ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ не объ уголовно-политическихъ мѣрахъ,—здѣсь мы имѣемъ дѣло съ мѣрами государственной или общественной благотворительности (*assistance publique*). И здѣсь, конечно, центръ тяжести не въ оцѣнкѣ свойства или тяжести отдѣльнаго дѣянія, а въ діагнозѣ, который ставится въ отношеніи всей личности въ ея цѣломъ.

Привлеченіе уголовного судьи къ рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ обычно мотивируется тѣмъ, что участіе его гарантируетъ права личности. Однако, здѣсь, на мой взглядъ, кроется большое недоразумѣніе. Уголовный судья не есть особая разновидность homo sapiens, застрахованный отъ ошибокъ и снабженный какимъ-то особеннымъ, лично и по состоянію ему присвоеннымъ, авторитетомъ. Довѣріе, которымъ пользуется правильно организованный и правильно функціонирующий судъ, основано на убѣжденіи въ томъ, что устами судьи говоритъ справедливый, для всѣхъ одинаковый и доступный пониманію каждый законъ, предъ требованіями котораго умолкаютъ всякія соображенія удобства, кажущейся или даже и дѣйствительной пользы, всякіе личные взгляды. И въ особенности, когда рѣчь идетъ объ уголовномъ судѣ, обладающемъ возможностью распоряжаться правами и благами гражданъ, важно и велико значеніе этихъ основныхъ чертъ, характеризующихъ его дѣятельность. Отнимите ихъ у судьи,—предоставьте ему право «выбирать мѣры борьбы, приспособленныя къ индивидуальности отдѣльнаго опаснаго лица», поставьте девизомъ его дѣятельности начала усмотрѣнія въ области цѣлесообразности,—и вы быстро и незамѣтно сотрете именно тѣ черты, которыми судья отличается отъ всякаго иного органа государственной дѣятельности. И если такой судья нуженъ лишь для того, чтобы ставить свой штампъ на медицинскомъ заключеніи эксперта-психіатра, то это не судящій судья, а маска Оемиды, изъ-подъ которой выглядываетъ совсѣмъ иной обликъ, мало напоминающій богиню справедливости.

У.

Въ заключеніе, я позволю себѣ привести два соображенія, которыя, по моему убѣжденію, никогда не слѣдуетъ терять изъ виду, когда говорятъ объ «опасныхъ преступникахъ» и о «мѣрахъ борьбы съ ними».

Первое состоитъ въ томъ, что современная тюрьма, равно какъ и тѣ социальныя условія, въ

которыхъ оказывается лицо, отбывшее наказаніе тюремнымъ заключеніемъ, являются однимъ изъ могущественныхъ факторовъ рецидива.

Если въ современномъ общественномъ укладѣ плохо и трудно приходится слабымъ и обездоленнымъ; если условія этого уклада часто создаютъ богатую и благопріятную почву, въ которой смена преступности пускаютъ ростки и распускаются въ пышные растенія,—то что сказать о положеніи, въ которое попадаютъ люди, запятанные, съ «тюремнымъ» прошлымъ? Ясно, что для нихъ жизненная борьба становится во сто разъ тяжелѣе. И если бы они сами захотѣли отдѣлаться отъ этого прошлаго, забыть его—имъ это не удастся ¹⁾.

Тюремный сидѣлецъ, въ представленіи общества, человѣкъ, если не отиѣтый, то во всякомъ случаѣ представляющій постоянную угрозу. Отъ него открешиваются и отмахиваются. И тѣ условія социальнаго строя, которыя уже способствовали вступленію бывшаго преступника на путь зла, теперь для него несравненно ухудшились. Чего же можно отъ него ожидать? Куда ему спастись отъ того неумолимаго рока, который стережетъ его съ перваго дня его выхода изъ тюрьмы?

И вотъ приходится признать, что та организація тюрьмы, которую мы наблюдаемъ повсемѣстно въ современныхъ культурныхъ странахъ, не только не служитъ дѣлу борьбы съ преступностью, а, напротивъ того, усиливаетъ и обостряетъ тѣ условія личнаго и социальнаго характера, которыя вліяютъ на развитіе преступности положительнымъ образомъ. Такъ что «опасное состояніе» рецидивиста въ огромной массѣ случаевъ подготовлено самимъ обществомъ и примѣняемыми имъ карательными мѣрами.

И если былъ правъ проф. Липманъ на гамбургскомъ съѣздѣ, когда, устанавливая понятіе опасныхъ рецидивистовъ, исключалъ тѣхъ, кто совершилъ преступленіе вновь преимущественно въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, то много ли останется среди рецидивистовъ такихъ «опасныхъ»?

Прогрессъ здѣсь возможенъ отчасти въ отысканіи и примѣненіи иныхъ карательныхъ мѣръ, замѣняющихъ тюрьму, отчасти въ реорганизаціи самой тюрьмы, отчасти въ широкомъ развитіи патроната. Эти пункты приходится только намѣтить, не останавливаясь на нихъ подробно.

Второе соображеніе—не что иное, какъ основной принципъ всего новаго направленія въ уголовномъ правѣ. Онъ гласитъ, что мѣры социальной защиты наиболее плодотворны въ области предупрежденія, направляясь противъ социальныхъ факторовъ преступленія. Здѣсь еще предстоитъ огромная и плодотворная работа, о которой не слѣдуетъ забывать Старую «классическую» школу упрекали въ томъ, что она, карая

¹⁾ См. мои «Тюремные досуги» въ «Правѣ» за 1908 г

преступление, забывала о преступникѣ. Новая школа не должна заслужить обратнаго упрека, Необходима и неизбѣжна борьба противъ преступниковъ. Но есть другая задача, которая и шире, и плодотворнѣе: борьба съ преступленіемъ...

Влад. Набоковъ.

Объ одной защитѣ эмоціональной теоріи права.

Въ № 12 газеты «Право» за текущій годъ напечатана статья г. Михайлова «Споръ психологической теоріи права съ теоріей внѣшнихъ императивовъ». Авторъ статьи, полагая, что обширная критическая литература, вызванная психологической теоріей права проф. Л. И. Петражицкаго, осталась «почти» безъ отвѣта какъ со стороны ея автора, такъ и со стороны ея послѣдователей, беретъ на себя трудъ опроверженія этой критики. По мнѣнію г. Михайлова, большинство критиковъ обнаружило «систематическое непониманіе» этой теоріи и неточную передачу основныхъ ея идей. И вотъ г. Михайловъ беретъся проанализировать, «выявить» тѣ основанія, на которыхъ строится подобная критика. Особенно критика со стороны ученія о правѣ какъ внѣшнихъ императивовъ кажется г. Михайлову «опрометчивой и неудачной въ своихъ основаніяхъ», и онъ избираетъ мои возраженія, «какъ представителя этой теоріи», «въ первую голову» объектомъ своихъ аналитическихъ и обличительныхъ сужденій, указывая, что на анализѣ моей критики «рѣзче всего вскроются недоразумѣнія въ пониманіи ученія Петражицкаго, ибо это—критика положительнаго юриста-догматика, критика, не прикрытая никакими метафизическими и т. под. разсужденіями».

Оставимъ въ сторонѣ точность утвержденія г. Михайлова относительно оставленія проф. Петражицкимъ «почти» безъ отвѣта сдѣланныхъ ему возраженій и точность характеристики моего научнаго направленія и обратимся прямо къ опроверженіямъ г. Михайлова моихъ критическихъ замѣчаній по адресу психологической теоріи права проф. Петражицкаго. Въ концѣ своей статьи г. Михайловъ резюмировалъ свой приговоръ надъ ними въ трехъ пунктахъ.

Пунктъ 1. «Возраженіе проф. Цалиенко, состоящее въ томъ, что нормы не имѣютъ проекціоннаго характера, не суть эмоціональныя проекціи, не можетъ быть признано научно-серьезнымъ возраженіемъ, такъ какъ оно не основано на научно-психологическомъ анализѣ этическихъ эмоціональных переживаній и eo ipso является голословнымъ».

Мотивируетъ же г. Михайловъ этотъ свой столь авторитетно произнесенный приговоръ тѣмъ, что съ ученіемъ г. Петражицкаго о нормахъ и императивахъ, какъ о проекціяхъ, отраженіяхъ эмоціональной психики, я будто бы не желаю примириться, такъ какъ ¹⁾ «въ настоящее время пониманіе права, какъ

своеобразныхъ (?) ¹⁾ нормъ или императивовъ, является господствующимъ», а, кромѣ того, утверждаю, что проектированіе этихъ нормъ, какъ велѣній, является не созданіемъ фантазмовъ, а синтезомъ опредѣленныхъ нормативныхъ явленій соціальной жизни». Приведя эти отрывки моихъ возраженій, изъ коихъ въ однихъ онъ не разобрался, а другія существенно исказилъ, приписавъ мнѣ своимъ «такъ какъ» смѣхотворную ссылку на господствующее мнѣніе, какъ на доводъ противъ теоріи г. Петражицкаго, г. Михайловъ добавляетъ, что я дальше «голыхъ утверждений», что нормы—объективное право, не иду и существа ихъ не объясняю; для того, чтобы «уничтожить» (1) ученіе Петражицкаго о нормахъ какъ эмоціональныхъ проекціяхъ, нуженъ психологическій анализъ его ученія, а я самъ себя призналъ некомпетентнымъ для рѣшенія этого научно-психологическаго вопроса и не обратился къ рекомендованному г. Петражицкимъ научно-психологическому методу интроспекціи. И это результатъ-де того, что я не вдумался въ психологическую теорію, но сколько по ея поверхности и держусь вдобавокъ «наивно-реалистическаго» взгляда на нормы, какъ «внѣшніе императивы».

Всѣ эти поученія и возраженія г. Михайлова представляютъ собой курьезную цѣпь недоразумѣній и фантазій моего обличителя.

Откуда прежде всего г. Михайловъ взялъ, будто я не хочу примириться съ ученіемъ г. Петражицкаго, «такъ какъ» господствующее мнѣніе расходится съ этимъ ученіемъ. На цитируемой имъ 216 стр. моей книги «Ученіе о существѣ права» я резюмирую лишь господствующее воззрѣніе на право какъ на нормы и на соотношеніе между объективнымъ и субъективнымъ правомъ, совершенно не касаясь ученія г. Петражицкаго. Лишь на слѣдующей 217 страницѣ я упоминаю, что съ изложеннымъ выше воззрѣніемъ не согласенъ проф. Петражицкій, привожу его возраженія и разбираю ихъ при этомъ безъ всякой апелляции, конечно, къ «господствующему мнѣнію». Такія недоразумѣнія въ научной критикѣ прямо недопустимы. Но главное, что я, вопреки мнѣнія г. Михайлова, вполне признаю психическую природу права, нигдѣ не оспариваю воззрѣнія г. Петражицкаго на нормы, какъ на проекціи нашихъ психическихъ переживаній, и даже на стр. 222 своей работы («Ученіе о существѣ права») пишу, что вполне возможно, что интеллектуальныя правовыя переживанія имѣютъ своимъ психическимъ корнемъ своеобразныя чувства, какъ полагаютъ нѣкоторые, и даже двухстороннія эмоціи, констатируемыя проф. Петражицкимъ. Я расхожусь съ г. Петражицкимъ лишь въ томъ, что полагаю, что специфическій характеръ права, его отличительные признаки, должно преимущественно искать въ интеллектуальной сторонѣ этическихъ переживаній, въ содержаніи чело-вѣческаго сознанія, а не въ бессознательныхъ пси-

¹⁾ Г. Михайловъ, очевидно, плохо знакомый съ моей работой, судя по его вопросительному знаку, недоумѣваетъ, о какомъ своеобразіи правовыхъ нормъ я говорю.

¹⁾ Подчеркиваю это «такъ какъ» г. Михайлова.

тических процессах и свойствах эмоций. Наконец, указываю, что, во всяком случае, именованіе права нормами вполне допустимо, такъ какъ «все этическія переживанія находятъ свое логическое выраженіе въ понятіи этическихъ и, слѣдовательно, и правовыхъ нормъ».

Если бы мой критикъ далѣе внимательно прочелъ мои работы, онъ увидѣлъ бы, что я далеко не оставляю безъ объясненія понятіе нормъ; я это дѣлаю какъ въ болѣе раннихъ трудахъ своих¹⁾, такъ и въ «Ученіи о существѣ права» въ различныхъ мѣстахъ книги. На стр. 218 этой послѣдней работы я выясняю также, въ какомъ смыслѣ допустимо говорить о внѣшнихъ нормахъ, несмотря на ихъ психическій характеръ²⁾, и въ чемъ именно состоитъ позитивація и объективированіе нормъ. То возраженіе, которое мною дѣйствительно сдѣлано по адресу ученія проф. Петражицкаго и которое совершенно не понято г. Михайловымъ, направлено вовсе не на ученіе г. Петражицкаго о нормахъ, какъ проэкціяхъ этическихъ эмоціональных переживаній, а на утвержденіе этого ученаго, будто бы юристы, игнорируя психическій характеръ нормъ, держатся наивно-проэкціонной точки зрѣнія на нормы и императивы, материализуютъ ихъ и признаютъ ихъ находящимися «гдѣ-то въ высшей сферѣ», а не въ психикѣ людей³⁾. Я же возражаю (стр. 218 «Ученіе о существѣ права»), что большинство юристовъ вполне признаетъ психическій характеръ нормъ и не считаетъ ихъ реальными сущностями, гдѣ-то внѣ людей находящимися; волевой же характеръ запретовъ и велѣній приписывается юристами въ виду того, что тѣ нормы, которымъ приписываютъ такой повелительный характеръ, дѣйствительно путемъ волевыхъ актовъ декларируются какъ обязательныя и выражаютъ ту волю или воли, которыя требуютъ ихъ соблюденія. Вотъ почему я и говорю, что проектированіе этихъ нормъ какъ чѣхъ-либо велѣній является не наивной фантазмой, а синтезомъ нормативныхъ явленій соціальной жизни, состоящихъ въ урегулированіи должнаго порядка этой жизни.

Цѣлью моей юридической работы не было изслѣдованіе самой природы психическихъ свойствъ и процессовъ, сопровождающихъ и вызывающихъ правовыя переживанія, и я поэтому совершенно правильнымъ считаю отказъ свой въ этой работѣ отъ всяки психологической теоріи эмоций проф. Петражицкаго и его возраженій современной психологіи, полагая, что изслѣдованіе психическихъ процессовъ и свойствъ—

¹⁾ Въ моей работѣ «Нормативный характеръ права» 1906, стр. 9 я привожу воззрѣніе философа Виндельбанда на нормы и принимаю ихъ.

²⁾ Уважаемый рецензентъ моей работы «Ученіе о существѣ права» проф. А. Н. Фатѣевъ (см. его «Къ ученію о существѣ права»... 1909, стр. 21), судя по его возраженіямъ, повидимому, ошибочно предполагаетъ, что я, признавая право внѣшними нормами, не допускаю возможности, что онѣ въ то же время могутъ быть и собственными нормами даннаго субъекта. Такое совпаденіе я, конечно, всецѣло допускаю и такое совпаденіе есть обычное и желательное явленіе.

³⁾ Петражицкій. Теорія права, т. I. 1907.

дѣло собственно не юристовъ, а специалистовъ-психологовъ. Но для меня, который ищетъ существо права въ содержаніи человѣческаго сознанія и соціальныхъ функціяхъ различныхъ нормъ, не было и надобности входить въ изслѣдованіе природы эмоций и опровергать ученіе Петражицкаго объ этой природѣ. Притомъ и самъ проф. Петражицкій утверждаетъ, что этическія эмоции являются бланкетными, т. е. не имѣютъ специфическихъ акцій, а направленіе нашего этическаго поведенія опредѣляется не эмоціями, а содержаніемъ связаннаго съ ними представленія¹⁾; и съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, нельзя отрицать существеннаго значенія для выясненія права различныхъ представленій человѣчества о правѣ. И я утверждаю поэтому въ своей работѣ, что при образованіи діагностическаго понятія права и отношеніи тѣхъ или другихъ явленій къ классу правовыхъ, необходимо сообразоваться съ историческими данными о пониманіи и употребленіи термина права, а также данными общественной эволюціи, обусловившей соціальныя функціи различныхъ нормъ и ихъ разграниченіе въ человѣческомъ сознаніи.

Отсюда до слѣдованія мною однѣмъ привычкамъ называнія, (безъ производства, добавлю, надлежащаго выбора между ними при опредѣленіи права, что думаетъ относительно моего образованія понятія права г. Михайловъ) дистанція огромнаго размѣра. Вѣдь, нужно предварительно выработать, установить какой-либо объективный критерій для причисленія къ правовымъ явленіямъ, хотя бы и атрибутивныхъ эмоціональных переживаній г. Петражицкаго. Вѣдь тутъ нельзя же, хотя бы и логически правильно, классифицировать по одному усмотрѣнію: назовемъ такой-то классъ переживаній или явленій «А» правовыми, а такой-то, отличный отъ него, классъ «В» нравственными для построенія о нихъ адекватныхъ ученій. А почему же въ такомъ случаѣ нельзя допустить обратнаго названія: классъ «В» назвать правовыми явленіями, а классъ «А»—нравственными и строить затѣмъ о нихъ адекватныя ученія?

Проблема классификаціи права и нравственности и методологическая проблема опредѣленія ихъ вовсе не такъ легки, какъ кажется г. Михайлову, нашедшему на нее уже полный отвѣтъ въ ученіи проф. Петражицкаго.

Не болѣе основательно и второе обличеніе моихъ возраженій г. Михайловымъ. «Отрицаніе проф. Паліенко свойства атрибутивности, какъ специфическаго признака правовыхъ переживаній, является продуктомъ смѣшенія имъ понятій атрибутивности и связанности, которое, въ свою очередь, порождено непониманіемъ эмоціональнаго ученія проф. Петражицкаго».

При чемъ тутъ какое то смѣшеніе мною понятій атрибутивности и связанности—совершенно неизвестно.

Споръ мой съ проф. Петражицкимъ заключается въ слѣдующемъ. Проф. Л. I. Петражицкій такъ опредѣляетъ атрибутивность правовыхъ переживаній: «атрибутивная природа сознанія правового

¹⁾ Петражицкій. Теорія права, т. I стр. 11—12, 40 сл.

долга, то специфическое свойство этого убѣжденія, что здѣсь сознается не простое только, свободное по отношенію къ другимъ, долженствованіе, а, напротивъ, такое долженствованіе, по которому то, къ чему мы обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ причитается другому, какъ ему должно¹⁾, придаетъ этому сознанию особую мотивационную силу, создаетъ добавочное давленіе въ пользу соответственнаго поведенія, отсутствующее въ области нравственности, гдѣ того, къ чему бы мы были обязаны, мы не считаемъ причитающимся отъ насъ другимъ²⁾. Имѣя въ виду именно такое пониманіе атрибутивности, закрѣпленности, при томъ именно въ сознаніи нашемъ, обязанности одного лица за другимъ, я и возражаю, что, хотя всѣ правовыя переживанія несомнѣнно должны быть признаны атрибутивными³⁾, но эта черта не является, однако, ихъ отличительнымъ признакомъ, такъ какъ и нравственныя переживанія, переживанія нравственнаго долга однихъ лицъ по отношенію къ другимъ, имѣютъ также атрибутивный характеръ въ указанномъ выше проф. Петражицкимъ смыслѣ. Отличительный же признакъ нужно искать въ особомъ характерѣ правовыхъ и нравственныхъ обязанностей и соответственно въ особомъ характерѣ ихъ закрѣпленія. Въ правѣ обязанности и ихъ закрѣпленіе—вышше-императивны, сознаются какъ принудительныя, навязанныя другими⁴⁾, въ нравственности они по существу автономны и вышше-императивно, принудительно, не закрѣплены, т. е. свободны въ отношеніи обязаннаго. Вотъ почему такъ называемая гетерономная этика въ жизни сплошь и рядомъ обнаруживаетъ тенденцію не считаться съ нравственной автономіей личности и принимаетъ правовой вышше-императивный характеръ, что особенно ясно замѣтно въ этикѣ мало-культурныхъ обществъ и въ обществахъ, гдѣ право и нравственность не дифференцированы. Я при этомъ ука-

¹⁾ Курсивъ вездѣ нашъ.

²⁾ Петражицкій. Теорія права, т. I, 1907. Стр. 138—139.

³⁾ Обстоятельное выясненіе этого является большою заслугой Л. I. Петражицкаго.

⁴⁾ Одинъ изъ уважаемыхъ рецензентовъ моей книги г. Ильинъ (Русская Мысль, октябрь 1909) задаетъ вопросъ, какъ же отличить тогда вышше-императивныя нормы, право, отъ произвольныхъ велѣній? Они отличаются тѣмъ, что произвольныя велѣнія не направлены къ установленію и признанію какихъ либо вышше-императивныхъ правилъ отношеній, являются лишь односторонними приказами, основанными на одномъ усмотрѣніи приказывающаго, или же, когда даже и устанавливаются вышше-императивныя нормы, т. е. право (въ теоретическомъ формальномъ значеніи этого слова), но это право, какъ нарушающее другое право, признанное въ данномъ обществѣ высшимъ по своей авторитетности, оцѣнивается въ общественномъ или личномъ сознаніи или въ указанномъ выше правѣ, какъ произволъ, правонарушеніе, безправіе. Таковы, напримѣръ, законодательный актъ, противорѣчащій конституціи, и административное распоряженіе, заключающее въ себѣ юридическія нормы, но не согласное съ закономъ.

Съ точки же зрѣнія оцѣнки этической, называютъ произволомъ и право, признаваемое несправедливымъ.

зываю, что не слѣдуетъ искать отличительныя черты права и нравственности въ возможной реакціи противъ ихъ нарушенія, такъ какъ она часто не обусловлена природою нормы, можетъ быть одинакова въ правѣ и нравственности, можетъ и совершенно не послѣдовать, а иной разъ реакція, въ случаѣ нарушенія иной нравственной нормы, можетъ оказаться гораздо интенсивнѣе, чѣмъ реакція противъ нарушенія даже важныхъ правовыхъ нормъ. Это явленіе можно постоянно наблюдать въ жизни. Возмущеніе тѣмъ или другимъ поступкомъ часто вовсе не обусловлено тѣмъ, признаютъ ли нарушенную имъ норму вышше-императивной, подлежащую соблюденію лицомъ, независимо отъ его убѣжденія или нѣтъ, такъ часто даже и не правящіяся и не согласныя сужденія вызываютъ крайне интенсивную реакцію, хороший примѣръ—критика моихъ возраженій г. Михайловымъ. Но г. Михайловъ все удивляется. «Неужели, восклицаетъ онъ, этика Христа учитъ о такой природѣ заповѣдей, которая влечетъ къ крокопролитію. Надо надѣяться, что критикъ (т. е. я) не станетъ утверждать этого». Конечно, не стану утверждать, что «учитъ», да, вѣдь, это и совершенно и не вытекаетъ изъ моего приведеннаго выше пониманія нравственности, но стану утверждать, что весьма часто «влекла», какъ это, надо думать, извѣстно и г. Михайлову. Но могу успокоить моего критика, что даже въ области права притязательная психика далеко не такъ грозна и не такъ часто порождаетъ кровавую реакцію, а скорѣе ее предупреждаетъ. Но бывали и бывають, однако, и насильственные репрессіи въ случаяхъ нарушенія нравственныхъ заповѣдей религіи, когда люди мало культурны, несдержанны и фанатичны. А что касается наличности притязательной психики въ отношеніи заповѣдей Христа, то г. Михайловъ можетъ вспомнить, что говорилъ Христосъ въ своей проповѣди о судьбѣ неисполнившихъ Его Заповѣдей, своего нравственнаго долга, на Страшномъ Судѣ (Отъ Матвея, глава XXV, 35—46): «тогда скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мя. И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную». Г. Михайловъ думаетъ, что если притязать на шаблонное пониманіе и выполненіе нравственныхъ заповѣдей и принциповъ..., то социальная жизнь стала бы невозможной, ибо притязательная психика всегда бы воспламенялась (!) и порождала бы ненасытную, непреодолимую всеобщую «bellum omnium contra omnes». Но вѣдь, слава Богу, притязательная психика вовсе не имѣетъ такого взрывчатого, разрушительнаго свойства, какъ это прежде всего показываетъ сама жизнь и практика съ гораздо болѣе шаблонными, чѣмъ нравственныя нормы, положительными правовыми нормами. Г. Михайловъ, повидимому, подъ притязаніемъ разумѣетъ тутъ какія то властныя требованія, агрессивныя домогательства исполненія долга, чуть ли не иски и т. д. Я же подъ нравственнымъ притязаніемъ понимаю и соответствующее сознаніе закрѣпленности обязанности, обоснованное въ нравственномъ убѣжденіи лица, ожиданіе имъ выполненія

обязаннымъ лицомъ причитающейся ему со стороны обязанаго моральнаго обязательства, долга. Г. Михайловъ далѣе беретъ у проф. Петражицкаго еще одно возраженіе противъ наличности атрибутивности въ нравственныхъ переживаніяхъ—это именно утвержденіе, будто лица, утверждающія закрѣпленность нравственной обязанности, или имѣютъ гипертрофію правовой психики, или не примѣнили должнымъ образомъ интроспективнаго метода проф. Петражицкаго. Но почему же тогда не допустить, что «интроспективный методъ, не составляющій ничьей монополіи, должнымъ образомъ примѣненный» критиками, обнаруживаетъ у лицъ, отрицающихъ возможность закрѣпленія нравственныхъ обязанностей, т. е. атрибутивности и нравственныхъ переживаній, атрофію нравственной притязательной психики. Ясно, что все дѣло тутъ собственно въ классификаціи нравственныхъ и правовыхъ явленій. Г. Михайлову, слѣдующему классификаціи проф. Петражицкаго, угодно всѣ атрибутивныя переживанія безъ остатка отнести къ правовымъ, а другимъ подобная секвестрація нравственности кажется непріемлемой и противорѣчащей ихъ пониманію нравственности. Но тутъ г. Михайловъ ссылается на свое высшее доказательство—на ученіе проф. Петражицкаго объ эмоціяхъ: «вѣроятнѣе всего,—говоритъ онъ,—такой образъ мыслей оппонентовъ объясняется недоразумѣніемъ въ пониманіи ученія Петражицкаго объ эмоціяхъ». Это даже де «явно наблюдается у меня». Въ самомъ дѣлѣ, проф. Петражицкій признаетъ всѣ эмоціи двусторонними, пассивно-активными, а я позволяю себѣ называть его нравственныя эмоціи односторонними, пассивными, а правовыя эмоціи двусторонними пассивно-активными. Эту неточность терминологіи моей (по отношенію къ терминологіи проф. Петражицкаго) при передачѣ въ одномъ мѣстѣ моей книги («Ученіе о существѣ права» стр. 271) разграниченія г. Петражицкимъ права и нравственности охотно признаю, но могу увѣрить г. Михайлова, что отлично знаю и зналъ написанное объ эмоціяхъ и двустороннемъ характерѣ ихъ на 1 стр. «Теорія права» проф. Петражицкаго: «Путемъ надлежащаго самонаблюденія можно открыть существованіе въ нашей психической жизни такихъ переживаній..., которыя... имѣютъ двустороннюю, пассивно-активную природу, представляютъ, съ одной стороны, своеобразныя претерпѣванія (отличныя отъ познавательныхъ и чувственныхъ), съ другой стороны внутреннія понуканія, активныя переживанія, и могутъ быть охарактеризованы, какъ пассивно-активныя, страдательно-моторныя переживанія, или, какъ моторныя, импульсивныя раздраженія».

И если, несмотря на это, я позволилъ себѣ все же назвать установленныя г. Петражицкимъ эмоціи нравственности односторонними и пассивными, то имѣлъ въ виду этимъ лишь подчеркнуть ихъ, утверждаемый г. Петражицкимъ, безпритязательный и въ этомъ смыслѣ именно односторонній, пассивный характеръ. Проф. Петражицкій и самъ пишетъ (Теорія права, т. I, стр. 59): «въ области нравственности сообразно ея односторонне обязательной, безпритязательной природѣ»...; далѣе, на стр. 67: «какъ

этическія проекціи, такъ и самыя, лежащія въ ихъ основаніи, эмоціи... мы можемъ охарактеризовать какъ чисто или односторонне-императивныя», а на стр. 141 нравственную мотивацію проф. Петражицкій называетъ «пассивной». Этой терминологіей Л. I. Петражицкаго и объясняется допущенное мною названіе его нравственныхъ эмоцій пассивными, односторонними. Но вѣдь не въ томъ лежитъ существо моего разногласія съ г. Петражицкимъ, и своими указанными выше соображеніями г. Михайловъ нисколько не обосновалъ столь рѣшительно сформулированное имъ обвиненіе меня въ мнимомъ смѣшеніи атрибутивности съ обязанностью. Онъ ничего не выяснилъ въ разногласіи моемъ съ Л. I. Петражицкимъ относительно атрибутивности. И совершенно напрасно г. Михайловъ ссылается (стр. 730 № 12 «Право»), какъ на доказательство смѣшенія мною «понятія закрѣпленности обязанности за управомоченнымъ съ понятіемъ самой обязанности», на начало стр. 19 моей статьи «Новая психологическая теорія права», утверждая, будто бы я здѣсь говорю, что нравственная норма атрибутивна, потому что¹⁾ «всякая норма долженствованія хотя бы она была лишь чисто-личнымъ убѣжденіемъ, до известной степени связываетъ нашу волю и выборъ дѣйствія». Это вымышленное г. Михайловымъ «потому что» (какъ онъ приписалъ мнѣ и свое, указанное выше, «такъ какъ», конструируя мнимую мою ссылку на господствующее ученіе для опроверженія г. Петражицкаго), я возвращаю его творцу, т. е. г. Михайлову. Вся приведенная г. Михайловымъ и совершенно непонятая имъ фраза изъ моей статьи, какъ легко можетъ убѣдиться каждый, заглянувшій въ мою статью, относится не къ «атрибутивности», а къ тому, что «исполненіе всякой нормы, а не только нравственной, зависитъ прежде всего отъ нашей доброй воли». Объ атрибутивности же рѣчь я веду значительно ниже (съ конца 19 страницы упомянутой статьи)²⁾.

Наконецъ, послѣднее обличеніе г. Михайлова, направленное не только по моему адресу, но и другихъ критиковъ теоріи проф. Петражицкаго, состоитъ въ томъ, что мы допускаемъ «опрометчиво традиціонное обвиненіе проф. Петражицкаго въ «индивидуализированіи» права и игнорированіи его соціальной природы. Между тѣмъ, врядъ ли кто другой, восклицаетъ г. Михайловъ, такъ настойчиво и ярко освѣщаетъ соціальную природу права, какъ именно проф. Петражицкій. Въ доказательство г. Михайловъ особенно ссылается на II т. 641 стр. «Теоріи права», гдѣ проф. Петражицкій говоритъ, что «явленія права состоятъ въ двусторонней причинной связи съ другими процессами соціально-психической жизни и ея развитіи. Съ другой стороны право само есть продуктъ дѣйствія извѣстныхъ соціально-психическихъ процессовъ: оно создается и измѣняется по законамъ причинной связи».

¹⁾ Это „потому что“, употребленное г. Михайловымъ, я опять подчеркиваю.

²⁾ Кто же изъ насъ, спрашивается теперь, обнаруживаетъ „систематическое непониманіе“ взглядовъ того, кого онъ критикуетъ?

Если г. Петражицкій утверждает, что право есть явление индивидуальное, поясняет г. Михайловъ (стр. 732), то потому, что «реальные психические феномены имѣютъ свое пребываніе исключительно въ психикѣ индивидуума и только тамъ». Но вѣдь никто и не сомнѣвается, отвѣчу я, что этические переживанія происходятъ лишь въ психикѣ индивидовъ, а не «между небомъ и землей», но дѣло въ томъ, что такъ какъ эти переживанія происходятъ въ психикѣ разныхъ индивидовъ и массы индивидовъ, находящихся въ общеніи и взаимно вліяющихъ другъ на друга, эти переживанія приобрѣтаютъ то, что называютъ массовымъ, коллективно-психическимъ характеромъ, вследствие чего значительно измѣняется самый характеръ переживаній личностей по сравненію съ тѣмъ, если бы личность была совершенно одинокой и переживала въ совершенно изолированномъ состояніи, не говоря уже о томъ, что она могла бы тогда многихъ переживаній и вовсе не переживать. Тутъ г. Михайловъ играетъ лишь словами «индивидуальный» и «соціальный». И если онъ ссылается на вышеприведенное мѣсто изъ теоріи проф. Петражицкаго, то проф. Петражицкій, съ другой стороны, также утверждаетъ, что «природа правового явления не измѣняется отъ того, происходитъ ли что-либо иное гдѣ-либо между индивидами, подъ ними, въ психикѣ другихъ индивидовъ», что «вообще всякое право, всѣ правовыя явления представляютъ собою чисто и исключительно индивидуальное явление»¹⁾. Критики проф. Петражицкаго именно съ этимъ не соглашались, а г. Михайловъ пытается ихъ опровергнуть своими указанными выше бездоказательными поясненіями и съ необъяснимой авторитетностью резюмируетъ, что якобы «безсознательно запутался въ недоразумѣніяхъ по самымъ основнымъ вопросамъ ученія» его учителя.

Въ заключеніе г. Михайловъ касается и моего понятія блага какъ внѣшне-императивныхъ, формально-принудительныхъ нормъ взаимоотношеній субъектовъ общенія. При этомъ г. Михайлову, если бы онъ внимательнѣе ознакомился съ моими работами, было бы извѣстно, что въ послѣдней своей работѣ «Ученіе о существѣ права и правовой связанности государствъ» я кое въ чемъ измѣнилъ и расширилъ свое пониманіе права по сравненію съ тѣмъ, что говорилъ въ первыхъ своихъ работахъ. Г. Михайловъ, однако, безразлично смѣшиваетъ всѣ эти мои взгляды и въ сущность моихъ воззрѣній совершенно не вникаетъ.

Поэтому - то г. Михайловъ и полагаетъ, что я признаю будто бы право исключительно приказами власти, велѣніями внѣшняго авторитета, ограничиваю его областью закона и обычнаго права, смѣшиваю нормативный фактъ съ отличительнымъ признакомъ права²⁾.

¹⁾ Петражицкій. Теорія права т. I. 1907 стр. 101 сл.

²⁾ Г. Михайловъ, между прочимъ, охотно ссылается на замѣчаніе одного изъ моихъ критиковъ Н. А. Гредескула, далеко, однако, не раздѣляющаго исповѣдуемое г. Михайловымъ ученіе, въ подтвер-

Таковы разсужденія г. Михайлова и его критика моихъ возраженій на нѣкоторыя положенія ученія Л. I. Петражицкаго. И зачѣмъ понадобилась эта ожесточенная критика? Изслѣдованіе Л. I. Петражицкимъ той стороны правовыхъ явленій, которую онъ назвалъ «атттрибутивностью»¹⁾, освѣщеніе имъ различныхъ психологическихъ элементовъ этическихъ

жденіе своего мнѣнія, что мое пониманіе права какъ внѣшне-императивныхъ нормъ взаимоотношеній членовъ общенія, не является отнюдь новымъ, что, впрочемъ, и я самъ признаю въ книгѣ своей. Повидимому, Н. А. Гредескулъ не уяснилъ себѣ, что задача моей работы состояла не въ сотвореніи еще новаго опредѣленія права, а, напротивъ, въ доказательствѣ, что, удовлетворяющее требованіямъ науки права, опредѣленіе права въ ней уже имѣется, и я стараюсь лишь далѣе выяснитъ его, обосновать и примѣнить къ рѣшенію проблемы правовой связанности государствъ. Но въ своемъ обширномъ отзывѣ о моей работѣ (Журн. Мин. Юстиціи № 6/1909) уважаемый Н. А. Гредескулъ оставилъ вовсе безъ критическаго разсмотрѣнія эту послѣднюю часть моей книги, гдѣ я трактую вопросъ о связанности государствъ правомъ, несмотря на то, что оно служитъ весьма существеннымъ дополненіемъ и поясненіемъ моихъ воззрѣній на право и, какъ то совершенно вѣрно замѣтилъ другой уважаемый критикъ П. И. Новгородцевъ (Крит. обзоръ, вып. III, 1909), она „по замыслу всего сочиненія является особенно существенной“ для меня. Вообще, Н. А. Гредескулъ, судя по его критическимъ замѣчаніямъ, исходилъ изъ иного пониманія задачъ моей работы, нежели я самъ, иначе онъ, между прочимъ, не упрекалъ бы меня въ томъ, что я не далъ „связную“ и „цѣльную исторію развитія идеи естественнаго права“. Г. Гредескулъ находитъ все же, что я „добросовѣстно отмѣтилъ всѣ главнѣйшіе отгѣнки въ ученіяхъ объ естественномъ правѣ“, но это-то именно я и стремился сдѣлать въ своихъ историческихъ очеркахъ, а не „исторію“, и попутно разсмотрѣть нѣкоторыя отгѣнки и научныя контроверзы, спеціально интересующія меня и находящіяся въ связи съ разсмотрѣнными въ исторической части ученіями о правѣ. Послѣднія, повидимому, Н. А. Гредескулу показались не стоящими вниманія. Увлекаясь критикой „архитектоники“ моей работы и приѣмовъ трактованія мною нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ то: „проблемы естественнаго права, понятія права и обоснованія мною позитивности права, мой почтенный критикъ дѣлаетъ это съ большою публицистическою живостью, но возраженій по существу почтенный критикъ не даетъ, какъ то было сдѣлано, на-примѣръ, другими критиками. Его критику моихъ приѣмовъ трактованія указанныхъ вопросовъ якобы до крайности упрощеннымъ способомъ я могу лишь объяснить тѣмъ, что самъ Н. А. Гредескулъ до крайности упростилъ въ своемъ пониманіи и изображеніи весь процессъ приѣмовъ и послѣдовательности моихъ разсужденій и упустилъ изъ виду многія существенныя положенія мои, касающіяся данныхъ вопросовъ. И вотъ получилась картина ихъ изслѣдованія, которая, по мнѣнію Н. А. Гредескула, является якобы моей, но я своей ее признать не могу. Я глубоко признателенъ почтенному критику за вниманіе, удѣленное моей работѣ, и то лестное для автора, что онъ усматриваетъ въ ней; многіе же дефекты ея я и самъ признавалъ, но большинство критическихъ замѣчаній Н. А. Гредескула не могу отнести къ себѣ, такъ какъ они явились результатомъ вышеизложенныхъ дефектовъ критики самого Н. А. Гредескула.

¹⁾ Хотя бы, по моему мнѣнію, она не составляла исключительнаго свойства однихъ только правовыхъ явленій.

переживацій, многія цѣнныя разсужденія и критическія оцѣнки спорныхъ вопросовъ теоріи права, и тотъ идеализмъ, которымъ проникнуты его воззрѣнія на задачи права, являются несомнѣнными достоинствами его теоріи права, что много всегда признавалось. Но можетъ ли быть полезна этому учению такая его защита, какъ разсмотрѣнная антикритика одного изъ его адептовъ, не вникающая въ возраженія и своеобразно трансформирующая ихъ, вслѣдствіе непониманія ихъ, съ рѣзкимъ и самоувереннымъ тономъ сужденій и характеристикъ, не направляющихся воззрѣній лицъ, восстающихъ въ другой научной школѣ. Не знаю, въ какой «научной школѣ воспитанъ» или воспитывается самъ г. Михайловъ, но врядъ ли подобная полемика, которую онъ затѣмъ намѣренъ обратить и на другихъ критиковъ учения Л. І. Петражицкаго, можетъ расположить кого-либо къ взаимному выясненію научныхъ разногласій. Лишь напечатаніе «contra критики» г. Михайлова въ газетѣ «Право» заставило меня отвѣтить на полемическій опытъ г. Михайлова. И я могу съ полной справедливостью возвратитъ г. Михайлову всѣ его обличительныя замѣчанія по моему адресу и вмѣстѣ съ тѣмъ его собственныя слова: «Такая передача мыслей критикуемаго многихъ введетъ въ заблужденіе, а самому ихъ автору окажетъ сомнительную услугу».

Н. Палиенко.

Приобрѣтеніе недвижимой собственности евреями-купцами.

Въ вышедшемъ недавно первомъ листѣ рѣшеній общаго собранія І и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената напечатано подъ № 4 заслуживающее вниманія рѣшеніе по вопросу о правѣ евреевъ-купцовъ І гильдіи на приобрѣтеніе недвижимости внѣ черты осѣдлости. Хотя вопросъ, которому посвящено данное рѣшеніе, лежитъ въ области законодательства, извѣстнаго лишь немногимъ юристамъ-практикамъ, но, думается, методологическіе приемы, нашедшіе себѣ мѣсто въ этомъ рѣшеніи, могутъ заинтересовать широкій кругъ читателей юридическаго журнала и показать съ достаточной выразительностью, какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ восполняются пробѣлы законодательства о евреяхъ—дѣйствительные или мнимые—судебной практикой.

Вопросъ, вызвавшій новое рѣшеніе, сводится къ тому, вправѣ ли евреи первой гильдіи купцы, приписанные внѣ черты еврейской осѣдлости (во внутреннихъ губерніяхъ), приобрѣтать недвижимую собственность повсемѣстно или лишь въ мѣстахъ ихъ приписки.

Для болѣе ясной изложенія находимъ необходимымъ привести вкратцѣ сущность закона 16-го марта 1859 года (Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта), впервые открывшаго евреямъ-купцамъ доступъ во внутреннія губ. До того времени кромѣ лицъ, окончившихъ университетъ съ

ученою степенью или состоявшихъ на государственной службѣ, никто изъ евреевъ не могъ проживать внѣ отмежеванной имъ черты осѣдлости. Лишь въ началѣ царствованія Александра II въ эпоху великихъ реформъ началось раскрѣпощеніе еврейскаго населенія—и первыми получили свободу передвиженія евреи-купцы. Но эта гражданская эмансипація предоставлена была съ извѣстными ограниченіями.

Свободу перехода за черту осѣдлости приобрѣли лишь купцы І гильдіи, и изъ нихъ исключительно тѣ, которые предварительно пробыли въ купечествѣ той же гильдіи пять лѣтъ въ чертѣ еврейской осѣдлости и которые затѣмъ доказали свою несудимость и неопороченность по суду.

«Приписавшіеся на семъ основаніи, сказано въ законѣ, къ городамъ, внѣ черты постоянной осѣдлости евреевъ находящимся, купцы первой гильдіи изъ евреевъ пользуются всѣми правами, коренному русскому купечеству по сей гильдіи присвоенными: по торговлѣ, подрядамъ, по устройству фабрикъ и заводовъ, по учрежденію банкирскихъ конторъ и приобрѣтенію недвижимой собственности въ Имперіи».

Въ случаѣ выбытія изъ гильдіи до истеченія десяти лѣтъ со дня переселенія за черту осѣдлости еврей-купцы обязаны возвратиться обратно въ мѣста постоянной осѣдлости евреевъ, но и тогда, говоритъ законъ, «право собственности и распоряженія имуществомъ, приобрѣтеннымъ въ упомянутыхъ городахъ, не отъемлется отъ евреевъ».

Относительно евреевъ-купцовъ, пробывшихъ въ первой гильдіи десять лѣтъ послѣ приписки къ городамъ, внѣ черты осѣдлости находящимся, указано, что они—эти купцы—«получаютъ право жительства въ тѣхъ городахъ на общахъ основаніяхъ, хотя бы потомъ и выбыли изъ первой гильдіи».

Изъ приведеннаго текста закона 1859 года, вошедшаго нынѣ въ ст. 12 прилож. къ ст. 68 уст. пасп. по прод. 1906 г. и ст. 7 прилож. къ ст. 791 (прим. 1) т. IX зак. сост. по прод. 1906 г., видно, что спорный вопросъ о правѣ евреевъ-купцовъ на приобрѣтеніе недвижимости (повсемѣстно или въ мѣстахъ приписки) можетъ быть расчлененъ на два вопроса, быть обсуждаемъ по отношенію къ двумъ моментамъ—ко времени состоянія въ купечествѣ до истеченія извѣстнаго десятилѣтняго срока или послѣ этого срока по выбытіи изъ гильдіи.

Цитируемое рѣшеніе, оставаясь вѣрнымъ прежней практикѣ общаго собранія І-го и кассационныхъ департаментовъ, въ частности—рѣшенію 1903 года № 29, даетъ отвѣтъ на оба вопроса въ томъ смыслѣ, что право евреевъ-купцовъ ограничено лишь мѣстами ихъ приписки и внѣ таковыхъ они этимъ правомъ не располагаютъ,—безразлично, состоятъ ли они въ первой гильдіи или же выбыли изъ нея по истеченіи десяти лѣтъ.

Мы остановимся сначала на правѣ купцовъ на приобрѣтеніе недвижимости въ то время, когда они состоятъ въ первой гильдіи, и постараемся выяснить, въ какой мѣрѣ согласуется высказанное

сенатомъ мнѣніе съ дѣйствующими законоположеніями вообще и законодательствомъ объ евреяхъ въ частности; всѣ наши доводы и соображенія мы будемъ черпать исключительно изъ подлиннаго текста законовъ, избѣгая, какъ гласила доконституціонная ст. 65 основныхъ государственныхъ законовъ не дозволенныхъ «самопроизвольныхъ толкованій».

Разъясненіе правительствующаго сената, которое мы нынѣ разсматриваемъ, судя по его тексту, явилось, какъ логическій выводъ, изъ двухъ предпосылокъ: 1) согласно ст. 780 зак. сост., евреи могутъ пріобрѣтать недвижимость лишь тамъ, гдѣ имъ дозволено постоянное пребываніе; 2) мѣстомъ постоянного пребыванія евреевъ-купцовъ первой гильдіи является лишь одинъ опредѣленный пунктъ, тотъ городъ, къ которому данный купецъ причисленъ, мѣсто приписки купца.

Не оспаривая перваго положенія, мы рѣшаемся однако утверждать, что второй тезисъ—неверенъ.

Въ обоснованіе этого тезиса сенатъ ссылается на ст. 14 уст. пасп. по прод. 1890 г. (евреямъ-купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ дозволяется жить въѣзъ городовъ, къ коимъ они приписаны... не иначе какъ по паспортамъ, на общихъ правилахъ, установленныхъ для другихъ городскихъ обывателей одинаковаго съ ними званія).

Въ нынѣшнемъ изданіи паспортнаго устава названной ст. 14 не имѣется; она оказалась вычеркнутой еще по прод. 1895 г., когда съ изданіемъ положенія о видахъ на жительство введены были отдѣльныя паспортныя облегченія, когда въ частности отмѣнено было то правило, что никто не можетъ отлучаться безъ паспорта изъ мѣста своего постоянного жительства, каковымъ по отношенію къ купцамъ, мѣщанамъ и ремесленникамъ—безразлично отъ ихъ исповѣданія—являлось тогда мѣсто приписки.

Съ изданіемъ положенія о видахъ на жительство (1894 г.) юридическое значеніе мѣста приписки, какъ мѣста прикрѣпленія лица, въ значительной мѣрѣ ослабло, по крайней мѣрѣ по отношенію къ купцамъ, которые, впервые послѣ этой паспортной реформы, получили свободу передвиженія, до того затрудненную стѣснительными паспортными правилами. Положеніемъ о видахъ купцамъ была предоставлена возможность выбирать безсрочныя паспортныя книжки, а не на опредѣленные короткіе сроки, какъ было раньше. Въ новомъ паспортномъ уставѣ (изд. 1903 г.) мѣстомъ постоянного жительства купца не является мѣсто его приписки, а мѣсто фактическаго его жительства, гдѣ онъ имѣетъ фактическую осѣдлость, «домашнее обзаведеніе», гдѣ онъ занимается промысломъ.

Это опредѣленіе мѣста постоянного жительства имѣетъ общій характеръ и относится ко всѣмъ купцамъ, безразлично, къ какому исповѣданію они принадлежатъ. При кодификаціи паспортныхъ законовъ въ 1903 г. это положеніе побудило къ исключенію ст. 14, что представляется тѣмъ болѣе правильнымъ въ настоящее время, когда съ изданіемъ Именного Высочайшаго Указа 5 октября 1906 г. сельскіе обыватели и лица другихъ податныхъ состояній пріобрѣли право получать безсрочные паспорта,

такъ какъ и для нихъ мѣстомъ постоянного жительства является не мѣсто приписки, а мѣсто дѣйствительной ихъ осѣдлости.

На какомъ же основаніи правительствующій сенатъ полагаетъ возможнымъ оставаться при прежнемъ своемъ мнѣніи о ст. 14, если она теперь не нашла себѣ мѣста въ новомъ паспортномъ уставѣ (изд. 1903 г.)?

По мнѣнію сената, ст. 14 хотя и значится исключенной изъ паспортнаго устава, все же осталась въ силѣ въ виду того, что по отношенію къ евреямъ и съ изданіемъ положенія о видахъ, повлекшаго за собою это исключеніе, сохранены особыя узаконенія, при чемъ ссылается на отчетъ государственнаго совета.

Дѣйствительно, особыя узаконенія объ евреяхъ остались въ силѣ; объ этомъ говоритъ ст. 68 новаго паспортнаго устава, но остались въ силѣ лишь тѣ паспортныя постановленія, которыя можно назвать нормами матеріальнаго права—опредѣленіе района жительства евреевъ съ указаніемъ извѣстныхъ привилегированныхъ въ отношеніи жительства категорій евреевъ. Эти постановленія и помѣщены въ видѣ приложенія въ ст. 68 уст. пасп. Имп.—этими постановленіями и ограничивается исключительное положеніе евреевъ относительно жительства. Въ ст. 67 уст. пасп. опредѣленно указано, что всѣ постановленія, изложенныя въ предшествовавшихъ статьяхъ, примѣняются и къ евреямъ.

Слѣдовательно, нужно примѣнить къ евреямъ и тѣ общія положенія паспортнаго устава, которыя выражены въ ст. 1 и 2 (въ ст. 1 указывается, ради какихъ надобностей служить видъ на жительство; ст. 2. опредѣляетъ постоянное мѣсто жительства), т. е. тѣ статьи, на которыя сенатъ ссылается, въ подтвержденіе того, что правило, выраженное въ ст. 14, сохранило свою силу по отношенію къ евреямъ и теперь. Какимъ образомъ можно обосновать исключительность правового положенія евреевъ на тѣхъ статьяхъ паспортнаго устава, которыя не единымъ словомъ не говорятъ объ евреяхъ, которыя содержатъ въ себѣ общія положенія. Вызванныя паспортной реформой 1894 г., нзмъ представляется непонятнымъ.

Но если даже допустить невозможное на нашъ взглядъ предположеніе, что ст. 14, уже вычеркнутая изъ паспортнаго устава, все же не потеряла своей силы, то и тогда мы должны сказать, что на основаніи этой статьи невозможно придти къ тому выводу, который нашелъ себѣ мѣсто въ новомъ рѣшеніи сената. Мы должны сказать, что то толкованіе ст. 14, которое дано сенатской практикой, не можетъ быть принято, что оно грѣшитъ противъ исторіи, противъ того законодательнаго акта, изъ котораго оно перешло въ ст. 14. Мы имѣемъ въ виду положеніе о евреяхъ 13-го апрѣля 1835 г.—§ 49. Ст. 14 цѣликомъ повторяетъ содержаніе этого § 49 и внѣ его не можетъ получить истиннаго, соответствующаго исторіи вопроса пониманія.

Мы утверждаемъ, что въ ст. 14 паспортнаго устава отнюдь нельзя видѣть какого-либо ограниченія для евреевъ.

§ 49 стоитъ въ непосредственной связи съ § 48

того же положенія 1835 г., которымъ евреямъ воспрещается приписка внѣ городовъ. Но отлучки евреевъ изъ мѣстъ приписки происходятъ на общемъ основаніи, «на общихъ правилахъ, установленныхъ для другихъ городскихъ обывателей одинаковаго съ ними званія». Приведенныя слова, вошедшія безъ измѣненія въ ст. 14, явственно, намъ кажется, говорятъ, что не объ ограниченіи идетъ здѣсь рѣчь, а, напротивъ, законодатель желалъ улучшить правовое положеніе евреевъ, подчинить ихъ дѣйствию общихъ правилъ объ отлучкахъ, тогда дѣйствовавшихъ. Никто изъ купцовъ и лицъ податныхъ состояній не могъ въ то время отлучаться изъ мѣста приписки безъ паспорта, — правило, которое неизмѣнно переходило во всѣ послѣдующія изданія паспортнаго устава, гдѣ оно всегда красовалось на первомъ мѣстѣ (ст. 1).

Итакъ, мы находимъ, что «термины постоянное и временное мѣсто жительства» въ смыслѣ паспортнаго устава подлежатъ одинаковому опредѣленію, идетъ ли рѣчь объ евреяхъ или не евреяхъ. Евреи стѣснены въ выборѣ мѣста жительства; для нихъ отмежеваны особыя границы, внѣ которыхъ они могутъ проживать лишь въ особыхъ случаяхъ и на извѣстныхъ законныхъ основаніяхъ. По отношенію къ нимъ существуютъ особыя нормы паспортнаго устава (прилож. къ ст. 68), но невозможно идти далѣе и расширять область этихъ ограниченій на основаніи закона, который носилъ льготный характеръ, стремясь облегчить положеніе евреевъ, поставить ихъ въ одинаковыя условія съ остальнымъ населеніемъ, закона, который призванъ теперь отмѣненнымъ, какъ потерявшій свою силу съ воспріимчивостію паспортной реформы 1894 г.

Эта ст. 14, скажемъ къ слову, сыграла своего рода историческую роль, такъ какъ при примѣненіи многихъ ограничительныхъ законовъ объ евреяхъ она явилась основаніемъ къ подчиненію ихъ дѣйствию не одной категоріи еврейскаго населенія (зак. 3 мая 1882 г.).

Не ограничиваясь нынѣ уже исключенной ст. 14, которая говоритъ о евреяхъ вообще, Правительствующій сенатъ въ своемъ рѣшеніи основывается на той ст. зак. о сост., которая говоритъ специально о евреяхъ-купцахъ первой гильдіи, приписанныхъ внѣ черты осѣдлости (7 прилож. къ ст. 791, прим. 1 закон. сост. прод. 1906 г.). Сенатъ исходитъ изъ грамматическаго текста ст. 7 изъ того выраженія (въ упомянутыхъ городахъ), которое перешло изъ закона 1859 г. въ пасп. уставъ, а затѣмъ при новѣйшей кодификаціи перенесено въ т. IX зак. сост., въ ту ихъ статью, о которой идетъ теперь рѣчь. По мнѣнію сената, сопоставленіе первоначальныхъ словъ этой статьи (купцы первой гильдіи изъ евреевъ, приписавшіеся къ городамъ внѣ черты... пользуются правомъ на приобрѣтеніе собственности въ имперіи) съ заключительными ея словами, намъ уже извѣстными (право собственности и распоряженія имуществомъ, приобрѣтеннымъ въ упомянутыхъ городахъ), свидѣтельствуетъ (несомнѣнно свидѣтельствуетъ, говорится въ рѣшеніи) въ пользу того положенія, которое доказывается въ рѣшеніи. По поводу этого грамматическаго сопоставленія мы должны сказать, что

этотъ доводъ не новый. Онъ былъ уже высказанъ въ томъ опредѣленіи перваго общаго собранія сената отъ 28 апрѣля 1900 г., которое надолго оставило свой слѣдъ въ позднѣйшей практикѣ сената по общему собранію перваго и кассационныхъ департаментовъ, отступившія отъ прежде высказаннаго гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ мнѣнія (рѣшеніе 1898 г. № 37).

Можно, конечно, оспаривать такое грамматическое толкованіе закона 1859 г., можно сказать, что рѣчь идетъ вообще о городахъ внѣ черты осѣдлости. Если употреблено выраженіе «въ упомянутыхъ», то лишь потому, что законодатель желалъ точно указать, что приобрѣтенное купцомъ имущество за нимъ сохраняется и въ случаѣ прекращенія выборки гильдіи.

Если остановиться на толкованіи буквы закона, то нужно имѣть въ виду другое его выраженіе, на нашъ взглядъ, весьма существенное. Въ законѣ 1859 г. говорится о правѣ приобрѣтенія купцами-евреями собственности въ Имперіи на основаніяхъ, одинаковыхъ съ кореннымъ русскимъ первогильдейскимъ купечествомъ (относящіяся сюда слова закона нами приведены выше). Эта впервые дарованная льгота (право приобрѣтенія недвижимости) была въ свое время столь значительна, такъ рѣзко порывала съ прошлыми ограниченіями, что это общее выраженіе «въ Имперіи», изложенное при томъ въ особой формѣ (отожествленіе въ смыслѣ правовомъ евреевъ-купцовъ съ кореннымъ русскимъ купечествомъ), не нашло бы себѣ мѣста въ законѣ, если бы имѣлось въ виду ограничить права купцовъ мѣстами ихъ приписки.

Продолжая далѣе грамматическій анализъ цитируемой ст. 7 прилож. къ ст. 791 (прим. 1), мы должны кстатіи сказать, что текстъ этой ст. не соответствуетъ тому, что изложено въ зак. 1859 г. Цитированныя нами слова закона 1859 г. при кодификаціи законовъ о состояніяхъ подверглись существенному измѣненію, нарушившему цѣльность того начала, которое такъ краснорѣчиво выражено въ данныхъ словахъ. Въ новомъ изданіи законовъ о состоян. право на приобрѣтеніе недвижимости въ Имперіи отдѣлено отъ другихъ правъ и въ перечнѣ правъ, присвоенныхъ евреямъ-купцамъ на основаніяхъ, одинаковыхъ съ кореннымъ русскимъ купечествомъ, нѣтъ указанія на приобрѣтеніе недвижимости. Въ ст. 7 мы читаемъ: купцы первой гильдіи... пользуются правомъ на приобрѣтеніе недвижимой собственности въ Имперіи..., а также всѣми правами по торговлѣ, подрядамъ... присвоенными коренному русскому купечеству, — текстъ, который можетъ оказаться неблагоприятнымъ на практикѣ, весьма склонной къ ограниченному пониманію законовъ о евреяхъ.

Отрицательно, какъ мы сказали, высказался правит. сенатъ и о правѣ приобрѣтенія недвижимой собственности внѣ черты осѣдлости евреями-купцами первой гильдіи, выбывшими изъ купечества по истеченіи десятилѣтняго срока.

Мотивирована относящаяся сюда часть рѣшенія доводомъ такъ сказать отрицательнаго свойства: ни въ ст. 12 прилож. къ ст. 68 у т. пасп., ни въ ст. 7 прилож. къ ст. 791 (прим. 1) зак. сост. не содержится указанія на это право.

Съ перваго взгляда можетъ казаться вполне до-

статочнымъ этотъ отрицательный доводъ: разъ въ тѣхъ статьяхъ уст. пасп. и зак. сост., которыя опредѣляютъ правовое положеніе купцовъ за чертой осѣдлости, не признано за ними — купцами — право приобрѣтенія недвижимой собственности, то, исходя изъ тѣхъ соображеній, которыя были приведены для отрицанія правъ евреевъ-купцовъ, состоящихъ въ первой гильдіи, нельзя выдѣлить этихъ купцовъ въ особую привилегированную категорію въ однородной средѣ ихъ единовѣрцевъ, также переселившихся за черту осѣдлости. Эти соображенія, если признать ихъ правильными по отношенію къ одной категоріи купцовъ, — платящихъ гильдію, должны остаться также въ силѣ по отношенію къ купцамъ, выбывшимъ изъ гильдіи.

Но этотъ взглядъ можетъ быть признанъ правильнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы скажемъ, что законъ долженъ содержать въ себѣ исчерпывающій перечень всѣхъ гражданскихъ правъ, которыми онъ надѣляетъ данную группу лицъ, и что недостаточно ограничиться указаніемъ на основныя ихъ права, которыя въ себѣ самихъ такъ сказать *implicite* таятъ менѣе значительныя права, непосредственно вытекающія изъ первыхъ.

Конечно, этого утверждать нельзя, такъ какъ общность выраженій закона говоритъ въ его пользу, указывая на извѣстное техническое совершенство и тотъ приемъ редактированія закона, который примѣнялся полвѣка тому назадъ, въ 1859 году, когда при надѣленіи евреевъ-купцовъ свободой передвиженія указывались отдѣльныя ихъ права, — этотъ приемъ нынѣ устарѣлъ.

Въ ст. 12 прилож. къ ст. 68 уст. пасп. дѣйствительно, мы не найдемъ ни одного слова, которое специально говорило бы объ имущественныхъ правахъ евреевъ-купцовъ, пробывшихъ десять лѣтъ въ первой гильдіи, а затѣмъ выбывшихъ, — по той простой причинѣ не найдемъ, что со дня изданія законовъ 59 г. не послѣдовало новаго льготнаго узаконенія, которое бы *verbis expressis* говорило объ этой категоріи купцовъ въ смыслѣ расширенія ихъ имущественной правоспособности.

Но 11-го августа 1904 г. послѣдовалъ Именной Высочайшій Указъ, коимъ въ ст. 5 (п. 6) предоставлена купцамъ, пробывшимъ десять лѣтъ въ гильдіи, приписка къ городскимъ обществамъ внутреннихъ губ. и право повсемѣстнаго въ имперіи жительства. Этотъ новый законъ (помѣщенъ въ концѣ ст. 12 уст. пасп.) въ корнѣ измѣнилъ юридическое положеніе данной категоріи евреевъ-купцовъ и, если ранѣе можно было оспаривать у нихъ гражданско-имущественную правоспособность внѣ мѣстъ приписки, то такого отрицанія теперь не можетъ быть.

Съ предоставленіемъ евреямъ-купцамъ права повсемѣстнаго жительства ихъ, купцовъ, слѣдуетъ считать свободными отъ тѣхъ ограниченій, которыя были высказаны въ прежнихъ рѣшеніяхъ.

Тѣмъ болѣе слѣдуетъ теперь отказаться отъ прежней практики, что нынѣ предоставлено не только повсемѣстное жительство, но предоставлена также приписка ко всѣмъ городскимъ обществамъ внутреннихъ губ. Законодатель не стѣсняетъ нынѣ евреевъ-купцовъ, уплатившихъ извѣстныя довольно крупныя

суммы въ пользу казны, въ правѣ передвиженія и водворенія въ любомъ купеческомъ и мѣщанскомъ обществѣ, то есть дана льгота, которая, какъ большее въ меньшемъ, содержитъ въ себѣ и право приобрѣтенія недвижимости.

Намъ неизвѣстны мотивы изданія закона 1904 г., но, думается, не ошибемся, если скажемъ, что дарованіемъ льготы, выраженной въ ст. 5 (п. 6), имѣлось въ виду отмѣнить ограниченіе, внесенное извѣстнымъ уже опредѣленіемъ перваго общаго собранія, которое исключительно говорило о правѣ повсемѣстнаго жительства евреевъ-купцовъ, пробывшихъ десять лѣтъ въ первой гильдіи, какъ и другія ограничительныя толкованія закона 16 марта 1859 г., введенныя нѣкоторыми опредѣленіями перваго общаго собранія съ разрѣшеніемъ перерыва въ уплатѣ гильдіи внѣ черты осѣдлости пало опредѣленіе отъ ^{26 января 1896 г.} 28 марта 1897 г., предоставленіе извѣстныхъ правъ семейству купца, не внесенному въ его сословное свидѣтельство, повлекло за собою отиѣну дѣйствія опредѣленія отъ 29 марта 1891 г.

30 октября 1892 г. Весь текстъ ст. 5 сводится исключительно къ отиѣнѣ дѣйствующихъ сенатскихъ рѣшеній; этотъ новый законъ, являясь какъ бы аутентическимъ толкованіемъ дѣйствующаго закона 16 марта 1859 года, суживаетъ рамки тѣхъ стѣсненій, которыя были наложены судебной практикой. Возвращаясь къ опредѣленію отъ 28 апрѣля 1900 г. (о жительствѣ евреевъ-купцовъ), слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ послѣдующія рѣшенія сената, опубликованныя затѣмъ въ печати, исходя изъ доводовъ перваго общаго собранія, говорятъ лишь объ имущественныхъ правахъ евреевъ-купцовъ, состоящихъ въ гильдіи. Слѣдовательно по отношенію къ купцамъ, выбывшимъ изъ гильдіи, законодатель имѣлъ въ виду лишь одно опредѣленіе перваго общаго собранія и разъ ограниченія, установленныя первымъ общимъ собраніемъ о повсемѣстномъ жительствѣ евреевъ-купцовъ, нынѣ отпали въ виду прямого указанія новаго закона 1904 г., то слѣдуетъ считать отиѣвшими и всѣ вытекающія изъ того ограниченія послѣдствія, — въ томъ числѣ ограниченія въ правѣ приобрѣтенія недвижимости.

Вопросъ, который былъ внесенъ въ о. с. 1-го и к-ыхъ довъ и который затѣмъ вызвалъ обсуждаемое рѣшеніе, изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: сохраняетъ ли руководящее значеніе рѣшеніе общаго собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената 1903 г. № 29 о томъ, что еврей-купцы первой гильдіи могутъ приобрѣтать недвижимость только въ мѣстахъ приписки?

Можетъ, пожалуй, возникнуть вопросъ, не понимается ли въ новомъ рѣшеніи подъ выраженіемъ «въ мѣстахъ приписки» приписка къ купеческому обществу, такъ какъ въ рѣшеніи 1903 г. спорный вопросъ обсуждается по отношенію къ купцамъ, состоящимъ въ купечествѣ. Въ то время, когда состоялось рѣшеніе 1903 г., еврей-купцы не вправѣ были въ виду дѣйствовавшей тогда практики повсемѣстно приписываться къ городскимъ обществамъ, — право, которое затѣмъ было даровано Именнымъ Указомъ 1904 г.

Но, мы полагаемъ, подъ мѣстами приписки даже въ новомъ ограничительномъ рѣшеніи сената слѣдуетъ понимать приписку къ купеческому и къ мѣщанскому обществу. При иномъ пониманіи закона мѣщанинъ этотъ, выражаясь языкомъ зак. о сост., дѣйствительный гражданинъ (ст. 504) оказался бы лишеннымъ того права, который принадлежитъ всѣмъ городскимъ обывателямъ. Съ точки зрѣнія нашихъ сословныхъ законовъ отрицаніе за мѣщаниномъ права приобрѣтенія недвижимости въ томъ городѣ, гдѣ онъ записанъ въ мѣщанство, есть своего рода *non sens*, тоже, что отрицать за цеховымъ извѣстнаго города право заниматься промысломъ въ этомъ городѣ, тоже, что не признавать права на торговлю за купцомъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ записанъ въ гильдію.

Какъ мы старались доказать, новое рѣшеніе сената, оставаясь вѣрнымъ тѣмъ мыслямъ, которыя были высказаны въ предыдущей сенатской практикѣ, по о. с. 1-го и кассационныхъ департаментовъ страдаетъ существенными недостатками, съ какой бы стороны мы ни подошли къ нему: оно грѣшитъ противъ исторіи, противъ положенія объ евреяхъ 1835 г. не соответствуетъ точному смыслу закона 1859 г., даровавшаго еврейскому купечеству своего рода хартію вольностей, это рѣшеніе, наконецъ, неправильно и съ точки зрѣнія логического пониманія законовъ. Не считаясь съ тѣми измѣненіями, которыя произошли въ правовой жизни еврейскаго купечества, съ обнародованіемъ Именного Указа 1904 г., ни съ новѣйшими общими узаконеніями (полож. о видахъ на жительство 1904 г., Именной Указъ 5 окт. 1906 г.), рѣшеніе находить, что все осталось попрежнему, а еврей-купцы понынѣ являются прикрѣпленными къ одному опредѣленному пункту.

Кто знаетъ казуистичность законодательства о евреяхъ, тотъ можетъ питать надежду на то, что, быть можетъ, въ ближайшемъ будущемъ снова всплыветъ этотъ вопросъ, и тогда ужъ не будутъ прибѣгать къ содѣйствію архаической ст. 14 пасп. уст. изд. 1890 г., потеряетъ свою сакраментальную силу знаменитое выраженіе «въ упомянутыхъ городахъ», должны рѣшающее судьбу вопроса, и приняты будутъ во вниманіе тѣ новыя прогрессивныя вліянія, въ результатъ которыхъ, съ одной стороны, были внесены общія паспортныя облегченія въ дѣлѣ передвиженія и, съ другой, даны были купцамъ-евреямъ извѣстныя льготы въ интересахъ справедливости (вступительныя слова Именного Указа 1904 г.). Съ этой, хотя и весьма слабой надеждой, мы заканчиваемъ свою оцѣнку новаго руководящаго рѣшенія.

Д. Хіенкинъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правит. сенатъ.

(Дѣло прис. пов. Барона.)

27 апрѣля въ уголовномъ касс. департаментѣ правит. сената по апелляціонному отдѣленію, подъ предсѣдательствомъ сенатора Варварина, по докладу сенатора Гредингера, слушалось дѣло по апелляціонному отзыву защитника присяжнаго повѣреннаго Барона, обв. по 132 ст. уг. ул., присяжнаго повѣрен-

наго М. Л. Гольдштейна на приговоръ Спб-ургской судебной палаты, коимъ Баронъ былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 2½ года за отпечатаніе 2000 экземпляровъ брошюры «Воля». Въ этой брошюрѣ были помѣщены статья «Тройственный союзъ», стихотвореніе «Завѣтъ Разина» и стихотвореніе Каляева, въ коихъ палата умотрѣла возбужденіе къ учиненію преступнаго дѣянія, пред. 1 и 4 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул.

Остановливаясь на избраніи мѣры наказанія, коему Баронъ по закону долженъ подлежать, палата приговорила его къ вышеуказанному наказанію, принимая во вниманіе «сравнительно высоко умственное образованіе подсудимаго, какъ присяжнаго повѣреннаго», и то обстоятельство, что Баронъ въ 1906 году былъ осужденъ и отбылъ наказаніе по ст. 129 уг. ул., и, слѣдовательно, онъ, Баронъ, по мнѣнію палаты, является рецидивистомъ. Поддерживая апелляціонный отзывъ, присяжный повѣренный М. Л. Гольдштейнъ указалъ, что въ статьѣ «Тройственный союзъ» авторъ высказываетъ мысли, не только не преступныя по своему содержанію, но вполне согласныя съ тѣми преобразованіями, которыя были возвышены монархомъ въ Высочайшемъ указѣ правительствующему сенату 12 декабря 1904 г.

Обращаясь къ стихотворенію Каляева, защитникъ указалъ, что означенное стихотвореніе уже было однажды предметомъ сужденія спб-ургской судебной палаты, когда по дѣлу о распространеніи означеннаго стихотворенія привлекались В. В. Водовозовъ и пом. прис. пов. Бергеръ, коихъ защищалъ тотъ же прис. псв. М. Л. Гольдштейнъ, но оба были палатой оправданы за отсутствіемъ состава преступления въ содержаніи означеннаго стихотворенія. Ссылаясь на означенный оправдательный приговоръ, защитникъ полагалъ, что онъ даетъ всѣмъ и каждому величайшую гарантію въ томъ, что и въ перепечатаніи онаго равнымъ образомъ не будетъ усмотрѣно чего-либо противнаго закону. Сознаніе преступности разнужаемаго произведенія, которое требуется для состава преступленія 2 ч. 132 ст. уг. ул., въ связи съ рѣш. правит. сената 1906 года № 8, по дѣлу Ходскаго, смѣняется въ подобномъ случаѣ увѣренностью въ отсутствіи у даннаго произведенія признаковъ уголовно наказуемаго возбужденія, и тѣмъ болѣе подсудимый Баронъ, какъ присяжный повѣренный, т. е. лицо, завѣдомо освѣдомленное о приговорѣ судебной палаты, къ округу коей онъ принадлежитъ, по дѣлу своего товарища, пом. прис. пов. Александра Бергера, не могъ видѣть законныхъ преградъ къ напечатанію стихотворенія Каляева. Вѣдь Бергеру, еслибы онъ послѣ оправданія напечаталъ вторымъ изданіемъ стихотвореніе Каляева, нельзя было бы вывести за это обвинительнаго приговора. Но то, что дозволено Бергеру, дозволено и Барону, ибо составъ преступленія зависитъ не отъ фамиліи обвиняемыхъ, а отъ признаковъ, установленныхъ закономъ.

Наконецъ, стихотвореніе «Завѣты Разина», по своему содержанію, вполне соответствуетъ статьѣ о Стенькѣ Разинѣ, помѣщенной во II т. Русской исторіи Н. Костомарова на соответствующихъ страницахъ. Переходя засимъ къ соображеніямъ палаты, по коимъ мѣра наказанія была опредѣлена выше средней, положенной закономъ, защитникъ не согласился съ ними: во первыхъ, потому, что хотя присяжные повѣренные суть лица того же образованія, какъ члены палаты, но обвиняемыми въ литературныхъ преступленіяхъ всегда являются лица высокаго умственнаго развитія: журналисты, редакторы, литераторы и т. д., во-вторыхъ, Баронъ не является рецидивистомъ, какъ то ошибочно предполагаетъ палата, ибо Баронъ въ 1906 г. былъ осужденъ за распространеніе, а не за отпечатаніе преступныхъ произведеній, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Изданіе же какихъ нибудь произведеній, не получившихъ распространенія по желанію самого обвиняемаго, не можетъ считаться повтор-

нымъ преступнымъ дѣяніемъ сравнительно съ тѣмъ, которое было вѣнено Барону въ вину въ 1906 г. Товарищъ оберъ-прокурора Залѣвскій полагалъ оставить апелляц. отзывъ безъ послѣдствій, т. к. Баронъ совершеніемъ новаго преступленія доказалъ, что одинъ годъ крѣпости недостаточенъ для его исправленія.

Правительствующій сенатъ, измѣнивъ приговоръ палаты и уменьшивъ Барону срокъ наказанія на полтора года, приговорилъ его къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

С.-петербургскій окружный судъ.

(Дѣло объ убійствѣ вдовы офицера Дойнатовича).

3 мая сего года закончилось, наконецъ, дѣло объ убійствѣ вдовы офицера, бывшей сельской учительницы М. И. Дойнатовичъ. Означенное дѣло протекало при исключительныхъ условіяхъ, обратившихъ на себя вниманіе, какъ въ свое время, такъ и нынѣ, по окончаніи процесса.

21 марта 1909 года въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей было назначено дѣло о крестьянинѣ Николаѣ Пушкинѣ, 21 года, по обвиненію его въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія г-жи Дойнатовичъ. Въ качествѣ свидѣтеля обвиненія долженъ былъ выступить агентъ по раскрытію политическихъ преступленій въ войскахъ гвардіи и петербургскаго военного округа, Василій Румянцевъ. Наканунѣ засѣданія защитникъ Пушкина, присяжный повѣренный Э. А. Дубоссарскій, подалъ въ судъ слѣдующее заявленіе: „Допущенный сегодня къ обзорѣ дѣла я усмотрѣлъ, что послѣ того какъ на листѣ дѣла 72, обвиняемому Пушкину было предъявлено предварительное слѣдствіе, г. судебный слѣдователь по требованію г. товарища прокурора произвелъ дополнительное слѣдствіе, результаты котораго не были, однако, предъявлены Пушкину; кромѣ того, я усмотрѣлъ, что г. судебный слѣдователь въ этомъ своемъ дополнительномъ слѣдствіи не исполнилъ требованія г. товарища прокурора о допросѣ Румянцева по двумъ послѣднимъ пунктамъ прокурорскаго предложенія. Между тѣмъ допросъ по этимъ обстоятельствамъ имѣлъ бы для Пушкина чрезвычайно серьезное значеніе, такъ какъ изъ этого допроса выяснилась бы несомнѣнная причастность Румянцева къ дѣлу объ убійствѣ г-жи Дойнатовичъ, а при такихъ условіяхъ доказанность совершенія преступленія агентомъ Румянцевымъ, при невѣжествѣ Пушкина, не могла бы не дать послѣднему права на снисхожденіе“. По изложеннымъ соображеніямъ защитникъ Пушкина ходатайствовалъ о направленіи дѣла къ дослѣдованію на предметъ выясненія въ убійствѣ Дойнатовичъ роли Румянцева.

По открытіи засѣданія 21 марта 1909 года выяснилось, что Румянцевъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля, въ судъ не явился.

Прис. пов. Э. А. Дубоссарскій поддерживалъ свое ходатайство о направленіи дѣла къ дослѣдованію и указалъ, что, хотя непредъявленіе Пушкину дополнительнаго судебного слѣдствія, являющееся несомнѣннымъ нарушеніемъ обрядовъ и формъ судопроизводства, и было въ виду судебной палаты при преданіи Пушкина суду, утвердившей, несмотря на это нарушеніе, обвинительный актъ, тѣмъ не менѣе обстоятельство это столь существенно, что при недовольствѣ Пушкина приговоромъ, который будетъ о немъ постановленъ, жалоба его будетъ несомнѣнно уважена правительствующимъ сенатомъ, и все предшествующее производство, начиная отъ преданія суду, будетъ несомнѣнно отмѣнено. Въслѣдствіе тѣмъ

защитникъ ходатайствовалъ принять во вниманіе, что заявленіе Пушкина о важности для него допроса Румянцева, слѣланное только что, при подачѣ заявленія, является обстоятельствомъ новымъ для судебной палаты и, какъ таковое, въ виду его значенія для дальнѣйшаго направленія дѣла должно повлечь обращеніе дѣла къ дослѣдованію.

Товарищъ прокурора Г. Н. Ненарокомовъ присоединился къ ходатайству защитника Пушкина.

Окружный судъ опредѣлялъ: представить настоящее дѣло на основаніи 549 ст. уст. уг. суд. въ с.-петербургскую судебную палату на предметъ направленія такового къ дослѣдованію.

Результатомъ дослѣдованія послѣ пререканія между судебнымъ слѣдователемъ и прокурорскимъ надзоромъ петерб. окружн. суда, наставившимъ на предьявленіи означеннаго обвиненія, агентъ Румянцевъ былъ наконецъ преданъ суду опредѣленіемъ с.-петербургской судебной палаты.

Въ ноябрѣ 1909 года утвержденный обвинительный актъ о Пушкинѣ и Румянцевѣ поступилъ въ с.-петербургскій окружный судъ для слушанія дѣла объ обоихъ подсудимыхъ. Мѣрой пресѣченія для Пушкина служило содержаніе стражей, въ какомъ онъ находился съ 12 іюля 1908 года, т. е. съ момента совершенія убійства, а для Румянцева, продолжавшаго находиться на службѣ въ штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа, — надзоръ. Тогда же въ ноябрѣ обвинительные акты были посланы по мѣсту нахождения подсудимыхъ: Пушкину въ домъ предварительнаго заключенія, а Румянцеву въ канцелярію штаба. Долгое время отъ Румянцева не поступало обратныхъ свѣдѣній о врученіи ему копій обвинительнаго акта, какъ вдругъ окружный судъ получаетъ черезъ прокурорскій надзоръ бумагу отъ с.-петербургскаго градоначальника, въ которыхъ заявляется требованіе о передачѣ производства по дѣлу Пушкина и Румянцева въ с.-петербургскій военно-окружный судъ. Означенное требованіе с.-петербургскій градоначальникъ предъявилъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

Окружный судъ посѣлшилъ направить настоящее дѣло въ с.-петербургскую судебную палату.

На это постановленіе прис. пов. Э. А. Дубоссарскій принесъ частную жалобу въ ту же палату, въ коей ходатайствовалъ объ оставленіи безъ послѣдствій представленія окружнаго суда и о передачѣ дѣла вновь на разсмотрѣніе того же суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ жалобѣ указывалось, что согласно примѣчанію къ п. 1 ст. 17 прил. 1 къ ст. 1 (прим. 2) положенія объ охранѣ, г. градоначальникъ имѣетъ право требовать отъ гражданскихъ судебныхъ властей передачи производства въ военный судъ, когда означенное производство находится въ стадіи предварительнаго слѣдствія, что такъ какъ дѣло о Пушкинѣ и Румянцевѣ изъ этой стадіи вышло и въ силу опредѣленія судебной палаты поступило въ судъ съ утвержденнымъ обвинительнымъ актомъ, то требованіе градоначальника лишено законнаго основанія.

С.-петербургская судебная палата, выслушавъ представленіе суда и жалобу на это представленіе со стороны защитника Пушкина, подѣ председателемъ старшаго председателя судебной палаты сенатора Н. С. Крашенинникова, разъяснила, что данное сообщеніе градоначальника не является такимъ новымъ обстоятельствомъ, въ силу коего судъ долженъ обратить дѣло на разсмотрѣніе судебной палаты, и, раздѣляя соображенія жалобщика, опредѣлила: донесеніе с.-петербургскаго окружнаго суда отъ 14 декабря оставить безъ послѣдствій и дѣло возвратитъ обратно въ названный судъ.

Въ это время въ судъ отъ непосредственнаго начальства Румянцева поступили свѣдѣнія о томъ, что Румянцевъ копію обвинительнаго акта получилъ и проситъ вызвать въ судъ въ качествѣ свидѣтелей

двухъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ. Дѣло было назначено къ слушанію на 20 января 1910 года.

За нѣсколько времени до слушанія дѣла, въ судъ поступила, между тѣмъ бумага отъ старшаго врача дома предварительнаго заключенія, въ коей врачъ впервые возбуждаетъ сомнѣніе въ душевномъ здоровьѣ Пушкина и ходатайствуетъ о помѣщеніи названнаго подсудимаго въ больницу для умалишенныхъ для болѣе точнаго выясненія его психики, для наблюденія за нимъ и соответствующаго лѣченія.

Въ то же время въ судъ поступаетъ требованіе градоначальника о слушаніи дѣла при закрытыхъ дверяхъ.

По открытіи публичнаго засѣданія председательствующій оглашаетъ сообщеніе врача и предлагаетъ сторонамъ дать заключеніе и объясненіе. Тов. прокурора Г. Н. Ненарокомовъ даетъ заключеніе о возвращеніи дѣла о Пушкинѣ и Румянцевѣ въ порядкѣ 549 ст. къ дослѣдованію на предметъ отмѣны только что утвержденнаго о Пушкинѣ и Румянцевѣ обвинительнаго акта и изслѣдованія умственныхъ способностей Пушкина въ порядкѣ 353—355 ст.ст. уст. угол. суд.

Прис. пов. Э. А. Дубоссарскій возражаетъ противъ возвращенія дѣла къ дослѣдованію и указываетъ на то, что для отмѣны опредѣленія палаты о преданіи суду подсудимыхъ Пушкина и Румянцева и для изслѣдованія умственныхъ способностей одного изъ нихъ въ порядкѣ 353—355 ст.ст. уст. уг. суд. необходимы достаточныя основанія для возникновенія сомнѣнія въ нормальности умственнаго состоянія подсудимаго и что такимъ основаніемъ нельзя признать одно только письменное заявленіе тюремнаго врача о возбужденномъ состояніи Пушкина; при этомъ защитникъ доложилъ суду о томъ, что онъ имѣлъ бесѣду съ тюремнымъ врачомъ по содержанию сообщенія и что врачъ допускалъ возможность, что то возбужденное состояніе, вслѣдствіе котораго у него возникло сомнѣніе въ нормальности умственныхъ способностей Пушкина, могло произойти не отъ психической ненормальности, а отъ страха судиться въ военномъ судѣ, въ который въ то время предполагалось передать дѣло.

Въ этой части объясненія защитника председательствующій прерываетъ его и проситъ не касаться своего частнаго разговора съ тюремнымъ врачомъ. Защитникъ указываетъ на важность этого заявленія въ связи съ дальнѣйшимъ его объясненіемъ, но вторично прерывается председательствующимъ.

Далѣе защитникъ обращаетъ вниманіе суда на то, что передача дѣла въ судебную палату на предметъ отмѣны обвинительнаго акта о Пушкинѣ и Румянцевѣ и изслѣдованія умственныхъ способностей Пушкина даетъ въ перспективѣ слѣдующую возможность: преданіе суду Румянцева будетъ отмѣнено; дѣло о Пушкинѣ перейдетъ для изслѣдованія его умственныхъ способностей въ стадію предварительнаго слѣдствія, и г. градоначальникъ, уже на вполне законномъ основаніи, сможетъ изъять настоящее дѣло изъ суда гражданскаго и передать его, исключительно въ отношеніи Пушкина, въ судъ военный.

Председательствующій прерываетъ защитника и проситъ его не говорить ничего о военномъ судѣ.

Въ заключеніе своихъ объясненій защитникъ ходатайствуетъ объ отложеніи засѣданія и о вызовѣ въ слѣдующее время для опредѣленія того, имѣются ли въ дѣйствительности достаточныя основанія для сомнѣнія въ умственныхъ способностяхъ Пушкина.

Окружный судъ опредѣлилъ: обратить дѣло къ дослѣдованію на предметъ отмѣны обвинительнаго акта о Пушкинѣ и Румянцевѣ и изслѣдованія душевнаго здоровья Пушкина.

На это опредѣленіе суда прис. пов. Э. А. Дубоссарскій вновь принесъ частную жалобу въ с.-петербургскую судебную палату, въ коей ходатайствовалъ

объ оставленіи представленія суда безъ послѣдствій и о возвращеніи дѣла вновь для разсмотрѣнія по существу. Къ своей жалобѣ защитникъ приложилъ письмо старшаго врача дома предварительнаго заключенія на его, защитника, имя, а также письма, адресованныя ему Пушкинымъ, изъ которыхъ видно, что Пушкинъ вполне нормально мыслить и рассуждаетъ.

С.-петербургская судебная палата, выслушавъ донесеніе окружнаго суда, жалобу на опредѣленіе суда со стороны защитника Пушкина, разсмотрѣвъ письма врача и подсудимаго Пушкина, нашла, что у окружнаго суда не было достаточныхъ основаній для сомнѣнія въ нормальности умственнаго состоянія Пушкина и что такимъ основаніемъ въ связи съ объясненіемъ его защитника нельзя признать одно только заявленіе тюремнаго врача о возбужденномъ состояніи обвиняемаго. По разъясненію судебной палаты это заявленіе должно было быть первоначально проверено всѣми имѣвшимися въ распоряженіи суда средствами и въ томъ числѣ распросомъ самого подсудимаго, а также и допросомъ въ качествѣ свидѣтеля вышеупомянутаго врача, о вызовѣ котораго ходатайствовалъ защитникъ, на что онъ имѣлъ полное право. Судебная палата, раздѣляя соображенія жалобщика, не нашла достаточныхъ данныхъ для обращенія дѣла къ дослѣдованію и опредѣлила: оставить донесеніе суда безъ послѣдствій, возвратитъ дѣло обратно въ окружный судъ, дополнивъ списокъ лицъ, вызываемыхъ въ судебное засѣданіе, старшимъ врачомъ с.-петербургскаго дома предварительнаго заключенія.

Въ такомъ положеніи дѣло было въ 3-й разъ назначено къ слушанію на 3-е сего мая. Передъ открытіемъ засѣданія одинъ изъ свидѣтелей Румянцева, его непосредственный начальникъ, обратился къ судебному приставу съ требованіемъ не пускать никого въ залъ засѣданія, въ томъ числѣ и газетныхъ сотрудниковъ. Судебный приставъ сказалъ, что это не въ его власти и покуда двери засѣданія открыты, всякій имѣетъ право присутствовать въ залѣ.

По открытіи засѣданія председательствующій заявилъ, что дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ. Защитникъ Пушкина, прис. пов. Э. А. Дубоссарскій, просилъ занести въ протоколъ, что онъ возражаетъ противъ закрытыхъ дверей, такъ какъ требованіе градоначальника по отношенію къ данному засѣданію не подтверждено, и что требованіе закрытія дверей засѣданія, основанное не на уставѣ уголовного судопроизводства, а на положеніи о чрезвычайной охранѣ не можетъ быть широко толкуемо, какъ обязанность суда, на все время производства дѣла, въ какое бы время оно ни слушалось, закрывать двери; что если градоначальникъ своего требованія не подтвердилъ, то законный выводъ таковъ, что дѣло должно быть заслушано публично.

Тов. прокурора Г. Н. Ненарокомовъ категорически заявилъ, что дѣло должно слушаться при закрытыхъ дверяхъ.

Публика была удалена изъ зала засѣданія. Дѣло слушалось съ 12 ч. дня до 11 ч. вечера. Приговоромъ суда, на основаніи вердикта присяжныхъ заседателей, Пушкинъ и Румянцевъ присуждены къ каторжнымъ работамъ. Пушкинъ къ 10, а Румянцевъ къ 6 годамъ.

Огласивши этотъ приговоръ судъ, объявилъ, безъ соответствующаго заявленія со стороны присяжныхъ заседателей, что въ отношеніи Румянцева приговоръ, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія онаго къ исполненію, судъ постановилъ представить чрезъ г. министра юстиціи на усмотрѣніе Императорскаго Величества съ ходатайствомъ о полномъ помилованіи осужденнаго Румянцева и объ освобожденіи его отъ присужденнаго наказанія.

ХРОНИКА.

Прав. сенатъ разъяснилъ, что арестантско-этапная земская повинность лежитъ, согласно ст. 261 уст. земск. повин., на всемъ населеніи губерній, какъ сельскомъ, такъ и городскомъ, причѣмъ въ городахъ ближайшее завѣдываніе ея раскладкою, а равно переложеніе ея изъ натуральной въ денежную, зависитъ отъ городского общественнаго управленія (уст. зем. повин., ст. 278 прим. и 288. (26—III—4501).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что уполномоченные отъ сѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ владѣющіе неполнымъ цензомъ, не имѣютъ непосредственнаго права голоса въ избирательныхъ собраніяхъ, что же касается даннаго имъ уполномочія на право участія въ избирательномъ собраніи, то послѣднее, съ окончаніемъ производства этимъ собраніемъ выбора гласныхъ, утрачиваетъ свою силу и всякое значеніе. (26—III—4499).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что забаллотированіе лица въ одномъ участкѣ, однимъ составомъ избирателей и при одномъ составѣ баллотлируемыхъ кандидатовъ, какъ причина мѣстнаго характера, относящаяся только къ данному избирательному участку, не можетъ служить основаніемъ къ лишенію того же лица права баллотироваться и быть избраннымъ въ другомъ участкѣ, при другомъ составѣ избирателей и предложенныхъ кандидатовъ. (26—III—4494).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что выборы мѣщанскихъ пятидворныхъ депутатовъ должны быть производимы совмѣстно какъ христіанскими, такъ и еврейскими дворами. (26—III—4492).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что ремонтъ и содержаніе войсковыхъ помѣщеній относится на средства тѣхъ же учрежденій, изъ суммъ которыхъ были произведены расходы на постройку означенныхъ помѣщеній. (7—IV—4909).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что войска расквартировываются прежде всего въ имѣющихся въ городѣ казенныхъ или ранѣ нанятыхъ по контрактамъ зданій, но затѣмъ остающіяся не размѣщенными войска или части ихъ должны быть размѣщены по печеніемъ городского общественнаго управленія, коему и передается надлежащая часть квартирнаго оклада, причѣмъ если общественнымъ управленіемъ приходится при расквартированіи войскъ нести издержки въ большемъ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ окладамъ высшаго разряда мѣстности, то означеннымъ управленіемъ предоставляется ходатайствовать о переводѣ города въ высшій разрядъ. (7—IV—4909).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что бібліотека, представляющая собраніе книгъ педагогическаго содержанія, необходимыхъ учителю начальнаго училища при ежедневныхъ подготовкахъ къ преподаванію, и

предоставляемая во временное пользованіе учителя, пока онъ состоитъ въ этой должности, есть учительская бібліотека, предусмотрѣнная п. I, ст. 18-й прил. къ ст. 50-й уст. уч. зав., и вслѣдствіе сего къ таковой бібліотекѣ должно быть примѣнено требованіе, содержащееся въ ст. 19-й того же приложенія, даже если помянутая бібліотека приурочена не къ школѣ, но къ учителю. Означеннаго рода бібліотека, какъ долженствующая состоять изъ учебныхъ руководствъ, сочиненій по части педагогики и вообще книгъ, могущихъ служить къ дальнѣйшему самообразованію учителей, по назначенію своему исполнѣ тождественна съ учительской бібліотекой начальнаго училища, предусмотрѣнною п. I ст. 18-й прил. къ ст. 50-й уст. уч. зав. Одно приуроченіе ея не къ школѣ, а къ учителю школы, т. е. то обстоятельство, что она вмѣстѣ съ учителемъ можетъ перемѣнять помѣщеніе, оставаясь однако же все гдѣ въ той или другой школѣ даннаго уѣзда, не лишаетъ ея характера, свойственнаго учительской бібліотекѣ начальнаго училища, ибо при этомъ не измѣняется ея назначеніе быть руководящею учителю въ преподаваніи и не устраняется ея прикосновенность къ школѣ, и лишь видоизмѣняется способъ пользованія ею (Указъ 7-го апрѣля 1910 г. № 5,009).

Срокъ дѣйствія положенія чрезвычайной охраны, введеннаго въ городѣ Ялтѣ съ его уѣздомъ и положеніе усиленной охраны—во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ таврической губерніи продолженъ по 4 сентября 1910 года, или по день изданія новаго закона объ исключительномъ положеніи, если законъ состоится ранѣ 4-го сентября 1910 года, съ сохраненіемъ правъ главноначальствующаго въ отношеніи города Ялты и его уѣзда за таврическимъ губернаторомъ.

4-мая состоялось заключительное засѣданіе особой комиссіи гос. совѣта, рассматривающей законопроектъ объ отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ лишеніемъ сана.

Оберъ-прокуроръ св. синода г. Лукьяновъ заявилъ въ засѣданіи комиссіи, что синодъ не только настаиваетъ на сохраненіи существующихъ репрессій противъ лицъ, лишенныхъ сана, но находитъ даже необходимымъ устачовить нѣкоторые новыя ограниченія.

Заявленіе г. Лукьянова возымѣло свое дѣйствіе. Комиссія значительно видоизмѣнила проектъ. Всѣ поправки, внесенныя въ проектъ гос. думой, отклонены комиссіей. Болѣе того, комиссія ввела въ проектъ новое ограниченіе, котораго не было въ первоначальной правительственной редакціи. Такъ, лицамъ, лишеннымъ сана, воспрещается жительство въ уѣздѣ, гдѣ они раньше состояли священнослужителями, въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Постановленіе это принято большинствомъ голосовъ противъ М. А. Стаховича, В. И. Сергѣевича и гр. Д. А. Ольсуфьева. Меньшинство внесло особое мнѣніе.

Министерство внутреннихъ дѣлъ разъяснило, что

регистрація губернскими или городскими по дѣламъ объ обществахъ присутствіями измѣненій уставовъ обществъ, учрежденныхъ до издавія закона 4 марта 1906 г., можетъ быть производима лишь въ отношеніи тѣхъ обществъ, уставы коихъ соотвѣтствуютъ временнымъ правиламъ 4 марта 1906 г., и регистрація которыхъ, при дѣйствіи упомянутыхъ правилъ, не выходила бы изъ предѣловъ вѣдомства названныхъ присутствій. Что же касается измѣненія уставовъ обществъ, которыя въ настоящее время не могутъ быть подведены подъ дѣйствіе закона 4 марта 1906 г., къ числу коихъ относятся и учреждаемые концессионнымъ порядкомъ общества, преслѣдующія цѣли полученія прибыли, то такое измѣненіе можетъ быть производимо исключительно лишь тою властью, отъ которой зависѣло первоначальное утвержденіе устава общества. Въ случаѣ представленія присутствію для регистраціи измѣненія устава общества, регистрація отдельныхъ частей устава, безъ обсужденія его въ цѣломъ, не можетъ быть допустима и должна быть произведена всему уставу общества, такъ какъ внесенію въ реестръ подлежитъ зарегистрированное общество, какъ таковое, а не уставъ или отдельные его пункты.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ внесенъ въ совѣтъ министровъ законопроектъ объ измѣненіи временныхъ правилъ о водвореніи въ волынской губерніи лицъ нерусскаго происхожденія (прил. къ ст. 698 прим. 3, т. X, ч. 1 св. зак. изд. 1900 г.) и о распространеніи дѣйствія сихъ правилъ на губерніи кievскую и подольскую.

Согласно новому законопроекту статьи 1 и 3 приложения къ статьѣ 698 (прим. 3) законовъ гражданскихъ (свод. зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) предполагается изложить нижеслѣдующимъ образомъ:

Ст. 1. Лицамъ, введеннымъ въ составъ сельскихъ и городскихъ обывателей на основаніи правилъ объ устройствѣ быта принявшихъ русское подданство иностранныхъ поселенцевъ, водворившихся въ губерніяхъ кievской, подольской и волынской (св. зак., т. IX, зак. сост., изд. 1899, ст. 680, прим. 2, прил. II), а также лицамъ, переселившимся въ означенныя губерніи изъ привислянскихъ губерній, равно какъ и нисходящему потомству всѣхъ сихъ лицъ по мужской линіи неправославнаго исповѣданія, воспрещается впредь пріобрѣтеніе права собственности на недвижимыя имущества внѣ городскихъ поселеній поименованныхъ губерній, а равно права владѣнія и пользованія такими имуществами, вытекающаго изъ договора найма и аренды. Воспрещеніе сіе не распространяется на переселившихся въ кievскую подольскую и волынскую губерніи изъ губерній люблинской и сѣдлецкой лицъ русской народности православныхъ отъ рожденія, а равно принявшихъ русское подданство иностранныхъ поселенцевъ, принадлежащихъ къ русской или чешской народности и исповѣдывающихъ православную вѣру отъ рожденія.

Примѣчаніе. Дѣйствіе изложеннаго въ ст. 1 правила не распространяется на случаи наслѣдованія по закону въ прямой нисходящей линіи и между супругами въ недвижимыхъ внѣгородскихъ имуще-

ствахъ, принадлежащихъ указаннымъ въ сей статьѣ лицамъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ наслѣдованія по закону, а также въ случаѣ наслѣдованія по завѣщанію, поименованныя въ ст. 1 лица обязаны продать недвижимое имущество въ теченіе трехъ лѣтъ со времени пріобрѣтенія ими правъ на таковое. При несоблюденіи сего правила, имущество, по распоряженію губернскаго начальства, берется въ опеку и продается съ публичнаго торга въ подлежащемъ губернскомъ правленіи, а вырученная отъ продажи сумма, за вычетомъ изъ оной издержекъ по опекѣ и продажѣ, выдается наслѣднику.

Ст. 3. Кіевскому, подольскому и волынскому губернаторамъ, по принадлежности, предоставляется высылать административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ вѣренныхъ имъ губерній лицъ, которыя, въ нарушеніе правилъ ст. 1 сего приложения, окажутся фактически владѣльцами недвижимыхъ имуществъ внѣ городскихъ поселеній на основаніи словесныхъ соглашеній и вообще неформальныхъ условій, или же послѣ состоявшихся судебныхъ рѣшеній объ уничтоженіи заключенныхъ ими сдѣлокъ на владѣніе и пользованіе этими имуществами.

Въ Варшавѣ сенаторъ Нейдгардтъ созвалъ на совѣщаніе чиновъ судебного вѣдомства для выясненія устранимыхъ и стѣснительныхъ для населенія постановленій дѣйствующаго въ краѣ гражданского уложенія.

Въ Екатеринбургѣ, послѣ трехдневнаго разбирательства, уже передъ вынесеніемъ резолюціи, процессъ 60-ти крестьянъ села Ленева, обвиняющихся въ сопротивленіи властямъ и мятежѣ, внезапно прервался вслѣдствіе остраго умопомѣшательства одного изъ сословныхъ представителей, волостного старшины березовской волости Клопова. Клоповъ сошелъ съ ума въ совѣщательной комнатѣ. Прервавъ совѣщаніе, судъ приступилъ къ обсужденію вопроса, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Было постановлено дѣло отложить и рассмотреть его въ новомъ составѣ суда.

Клоповъ отправленъ въ больницу.

Заключенные-крѣпостники, отбывающіе наказаніе въ одной изъ сибирскихъ тюремъ, обратились къ деп. Войлошникову съ просьбой возбудить вопросъ о примѣненіи къ нимъ новаго закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Заключенные указываютъ, что Выс. указомъ отъ 22 ноября 1906 г. заключеніе въ крѣпости замѣняется заключеніемъ въ тюрьмѣ, а циркуляромъ главнаго тюремнаго управленія отъ 17 февраля 1909 г. за № 2 были объявлены для руководства правила содержанія въ тюрьмахъ лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости. Такимъ образомъ, заключеніе въ крѣпости превратилось въ юридическую фикцію; фактически же «крѣпостники» отбываютъ наказаніе на равныхъ основаніяхъ съ другими заключенными. Хотя указъ 22 октября и циркуляръ 17 февраля требуютъ содержанія крѣпостниковъ отдѣльно отъ прочихъ заключенныхъ, но вслѣдствіе переполненія тюремъ это

заявление фактически не соблюдается. Въ виду этого крѣпостники считают своевременнымъ возбудить вопросъ о распространѣніи на нихъ дѣйствія закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

Вскорѣ въ варшавскомъ окружномъ судѣ будетъ разбираться дѣло Викторіи Мартынкевичъ и Чеслава Идзиковскаго, обвиняемыхъ въ ложномъ показаніи, на основаніи котораго былъ приговоренъ къ повѣшенію Павелъ Ибковскій, житель деревни Повонзки. По приведеніи приговора въ исполненіе обнаружилось, что свидѣтели дали ложныя показанія.

Въ Красноярскѣ, приговоренные къ смертной казни Петровъ и братья Голубенко вечеромъ въ троицко-савской тюрьмѣ напали на надзирателя, отняли револьверъ съ патронами, оглушили ударомъ другого надзирателя и бросились бѣжать изъ камеры къ оградѣ. Часовой выстрѣломъ убилъ младшаго Голубенко. Между старшимъ Голубенко, Петровымъ и солдатами произошла пальба. Петровъ былъ раненъ. Голубенко, запершись въ камерѣ, продолжалъ стрѣлять и затѣмъ застрѣлился самъ.

За истекшій мѣсяцъ съ 1 по 30 апрѣля, въ разныхъ городахъ Россіи вынесено смертныхъ приговоровъ 43.

Приведено въ исполненіе 11.

Наибольшее количество смертныхъ казней падаетъ на города: Новочеркасскъ и Севастополь—по 3; Екатеринославъ и Вятка по 2.

Приговоры: Тифлисъ—7; Севастополь и Новочеркасскъ по 6; Варшава и Петербургъ—5; Саратовъ, Тамбовъ, Владикавказъ—3; Красноярскъ (Кяхта)—2; Вильна, Вятка, Екатеринославъ и Полтава по 1. Всего за 1910 г. приговорено 199; казнено—86.

Цифры эти взяты изъ газетныхъ свѣдѣній. Дѣйствительное число казненныхъ и приговоренныхъ должно быть признано большимъ.

Диспутъ въ спб. университетѣ.

11-го апрѣля с. г. въ актовомъ залѣ с.-петербургскаго университета доцентъ спб. политехническаго института В. Б. Ельяшевичъ при большомъ стеченіи публики защищалъ представленную имъ для соисканія степени магистра гражданского права диссертацию подъ заглавіемъ „Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ“.

Въ своей вступительной рѣчи 1) диспутантъ объ-

¹⁾ Во вступительной рѣчи, напечатанной въ № 16 „Правъ“, замѣчены слѣдующія опечатки:

1) Стр. 985 1 стр. сверху—надо читать: изслѣдуя ученіе объ общей собственности и вообще о разныхъ формахъ общности имущества, уже въ первомъ, основномъ вопросѣ...

яснилъ, что, изслѣдуя вопросъ объ отношеніи коллективнаго правообладанія къ юридическому лицу и о значеніи для ассоціацій юридической личности, онъ пытался выяснить, въ примѣненіи къ какимъ явленіямъ и въ силу какихъ условій сложилась самая форма юридического лица. Это привело его къ римскому праву. Конечный выводъ, къ которому онъ пришелъ въ итогъ своего изслѣдованія въ этой области, таковъ: единственная задача, разрѣшить которую призвано юридическое лицо, это—вести въ гражданскій оборотъ различнаго рода сложныя организациі. Достигается это тѣмъ путемъ, что въ оборотѣ эти сложныя организациі трактуются какъ единства, что къ нимъ примѣняются тѣ же нормы, что и къ отдѣльнымъ лицамъ. Внутреннее юридическое строеніе явленій, обнимаемыхъ формою юридического лица, разнородно и отъ юридической личности совершенно не зависитъ.

Этотъ выводъ, по мнѣнію диспутанта, имѣетъ не только историческое, но также догматическое значеніе, такъ какъ современное право только продолжаетъ развитіе, начавшееся на почвѣ римскаго.

Первый официальный оппонентъ проф. І. А. Покровскій, началъ свою рѣчь заявленіемъ, что онъ признаетъ изслѣдованіе г. Ельяшевича научнымъ произведеніемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Авторъ разбираетъ цѣлый рядъ сложныхъ и трудныхъ явленій исторіи римскаго права съ полнымъ знаніемъ источниковъ, литературы и надписей, вслѣдствіе чего его работа займетъ въ наукѣ почетное мѣсто. Съ этой стороны особенно цѣнной представляется вторая половина работы, межъ тѣмъ какъ первая по нѣкоторымъ пунктамъ вызываетъ сомнѣнія. Изъ наиболѣе существенныхъ сомнѣній проф. Покровскій остановился затѣмъ на слѣдующихъ:

Разбирая юридическое положеніе римской казны въ эпоху республики (аегаіум), авторъ приходитъ къ заключенію, что особенности этого положенія выводятъ аегаіумъ вовсе „за предѣлы гражданскаго оборота“. Когда же онъ затѣмъ переходитъ къ фиску въ періодъ имперіи, положеніе котораго также отличалось многими существенными особенностями отъ положенія частныхъ лицъ, онъ тѣмъ не менѣе признаетъ фискъ уже находящимся „въ предѣлахъ гражданскаго оборота“. Такое категорическое распредѣленіе позицій „вне оборота“ для аегаіумъ и „въ предѣлахъ оборота“ для фиска едва ли можетъ быть признано съ исторической точки зрѣнія правильнымъ. Въ частности едва ли можно утверждать, что аегаіумъ былъ въ теченіе всего республиканскаго періода одинаково вне гражданскаго оборота. Конечно, отношенія съ казною отличались отъ отношеній римскаго квинитскаго и даже преторскаго права; но гражданское право періода республики состояло изъ нѣсколькихъ системъ (кромѣ упомянутыхъ двухъ—еще право peregrinum и провинціальное), и сравнивать отношенія казны только съ нѣкоторыми изъ нихъ и на этомъ основаніи выводить казну вовсе за предѣлы гражданскаго оборота едва ли правильно. Отношенія съ казною, конечно, были пропитаны публично-правовыми элементами, но эти элементы мало-по-малу стирались, въ имущественномъ оборотѣ казна все болѣе и болѣе становилась на одну доску съ частными лицами, и такимъ образомъ ея положеніе все болѣе и болѣе приближалось къ тому, что мы называемъ гражданской правоспособностью, хотя, быть можетъ, до конечнаго пункта развитіе и не дошло.

Большія сомнѣнія вызываетъ, далѣе, ученіе г.

2) Стр. 987 13 стр. сверху—надо читать: современная юриспруденція въ значительной степени пренебрегла этимъ изъ-за теоріи юридического лица.

3) Въ концѣ предпоследней фразой должно быть вставлено: „анализъ этихъ формъ и предстоитъ теперь изслѣдователямъ. Онъ вскроетъ, что право-творческая мысль...“

Ельяшевича о фискѣ. Авторъ признаетъ вслѣдъ за Моммзеномъ, что, по представленіямъ римлянъ, субъектомъ фискальнаго имущества не было государство; но онъ полемизируетъ противъ мнѣнія Моммзена, что фискальное имущество было частной собственностью принцепса; по мнѣнію автора, фискъ былъ общественнымъ имуществомъ, только предоставленнымъ въ распоряженіе императора. Провозгласивъ это послѣднее положеніе, авторъ, однако, вслѣдъ затѣмъ заявляетъ, что это общественное назначеніе фискальнаго имущества для его граждански-правового положенія никакого значенія не имѣло, что фискъ для пріобрѣтенія вещей пользуется мандипацией и т. д. А при такихъ условіяхъ, съ граждански-правовой точки зрѣнія, право принцепса на фискальныя вещи не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ частной собственности, и полемика автора противъ Моммзена является непонятной.

Есть сомнительные пункты и въ раздѣлѣ о муниципіяхъ. Такъ, прежде всего, авторъ придаетъ преувеличенное значеніе въ дѣлѣ развитія хозяйственной автономіи муниципій общинамъ безъ политическихъ правъ—такъ наз. *civitates sine suffragio*. По толкованію автора, положеніе такихъ муниципій должно было представляться привилегированнымъ по сравненію съ тѣми общинами, которыя получили полное право гражданства (*civitates cum suffragio*): первыя сохраняли свою хозяйственную самостоятельность, что было важнѣе призрачныхъ политическихъ правъ. Съ такимъ толкованіемъ едва-ли можно согласиться: политическія права были далеко не столь призрачными, а хозяйственная обособленность имѣла свою оборотную сторону—устраненіе такихъ общинъ отъ крупныхъ выгодъ развивающагося римскаго государственнаго богатства. Толкованіе автора противорѣчитъ и общему ходу римской исторіи, наполненной борьбой городовъ за пріобрѣтеніе полного права гражданства.

Съ другой стороны, авторъ слишкомъ легко отнесся къ другому вопросу, возникающему часто въ исторіи римскаго права: не оказало ли вліянія на признаніе гражданской правоспособности муниципій въ римскомъ правѣ какое нибудь болѣе, развитое, напр., греческое право? Авторъ признаетъ возможнымъ, что гдѣ нибудь города участвовали въ оборотѣ въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ гражданского права, указываетъ даже, что и слѣды такого участія есть,—но, говоритъ онъ, все это для римскаго права имѣло такъ же мало значенія, какъ, напр., формы браковъ сибирскихъ инородцевъ для развитія русскаго брачнаго права. Такой отвѣтъ совершенно не можетъ быть признанъ достаточнымъ: многочисленные заимствованія изъ греческаго права въ исторіи римскаго права общезвѣстны, и нечего говорить, что отношеніе греческаго права къ римскому совсѣмъ не похоже на отношеніе какого нибудь остякаго или якутскаго права къ русскому.

Переходя, наконецъ, къ общимъ выводамъ автора относительно общей теоріи юридическихъ лицъ, проф. Покровский указалъ, что упреки автора по адресу современной литературы также являются преувеличенными и въ значительной части своей необоснованными. Авторъ какъ будто считаетъ, что всѣ вопросы „о природѣ юрид. лицъ“, „объ ихъ принципиальномъ образованіи“ и т. п. выходятъ за предѣлы компетенціи „юриста, какъ таковаго“, и что попытка рѣшить ихъ есть попытка безплодная и даже вредная. Съ такимъ суженіемъ задачъ „юриста, какъ таковаго“ ни съ теоретической, ни съ практической точки зрѣнія согласиться невозможно.

Но, закончилъ проф. Покровский, всѣ эти сомнѣнія не умаляютъ достоинствъ представленнаго изслѣдованія, ибо нѣтъ такихъ, даже очень авторитетныхъ трудовъ, которые бы не оставляли ни одного пункта для сомнѣній. Тѣмъ болѣе по такому вопросу, которому посвящена книга г. Ельяшевича и о которомъ Гирке сказалъ, что правильно разрѣшить его

могъ бы только тотъ, кто отдалъ бы ему всю свою жизнь.

Отвѣчая І. А. Покровскому, диспутантъ указалъ, что противоположеніе между *aerarium* и фискомъ можетъ и должно быть сдѣлано именно въ виду совершенно противоположныхъ исходныхъ моментовъ развитія въ ихъ юридическомъ положеніи. *Aerarium* съ самаго начала живетъ по особымъ формамъ и нормамъ, отличнымъ, подчасъ даже противорѣчащимъ принципамъ права, дѣйствующаго для *privatae personae*. Фискъ вначалѣ всецѣло подчиненъ нормамъ частнаго права. Въ дальнѣйшей эволюціи происходитъ нѣкоторое сближеніе въ виду предоставленія фиску ряда привилегій, что и отмѣчено въ книгѣ. Но завершенія этого процесса сближенія не получаетъ. *Aerarium*, въ качествѣ государственной казны, исчезаетъ, не будучи и въ послѣднюю эпоху своего существованія уравненъ въ имущественномъ оборотѣ съ частными лицами. Фискъ для римлянъ никогда не становится воплощеніемъ государства—за нимъ всегда стоитъ личность императора. — Что касается теоріи Моммзена о фискѣ, какъ частной собственности принцепса, то она крайне односторонняя, такъ какъ ведетъ къ отождествленію фискальнаго имущества съ частнымъ имуществомъ принцепса и игнорируетъ общественное назначеніе перваго.

По поводу муниципій В. Б. Ельяшевичъ отмѣтилъ, что апіорныя соображенія, несомнѣнно, говорятъ противъ признанія *civitas sine suffragio* болѣе привилегированной, по сравненію съ *civitas cum suffragio*, формой. Но совершенно опредѣленные заявленія Ливія, упущенныя изъ виду господствующимъ ученіемъ, свидѣтельствуютъ, что *civitas cum suffragio* римляне предоставляли общинамъ, которыя они хотѣли вознаградить за вѣрность, тогда какъ возмущившіяся общины получили *civitas sine suffragio*. Съ другой стороны, по тѣмъ же свидѣтельствамъ общины перегиновъ, неоднократно отказываются отъ полного гражданства, чтобы сохранить *sine leges*. Пока эти свидѣтельства не будутъ опровергнуты, намъ остается предположить, что *civ. sine suffr.* была для присоединяемыхъ общинъ болѣе выгодной, и что это обусловливается сохраненіемъ за ними извѣстной автономіи.

Вліянія греческаго права на римское диспутантъ не только не отрицаетъ, но даже самъ отмѣтилъ (въ раздѣлѣ о союзахъ). Въ инкриминируемой фразѣ онъ хотѣлъ лишь указать, что фактъ выступленія той или другой общины перегиновъ, стоящей внѣ римскаго правопорядка, въ качествѣ юридического лица самъ по себѣ для римскаго права значенія не имѣлъ. Изслѣдовать же вліяніе идей греческаго права на римское въ данномъ вопросѣ не входило въ задачи диспутанта; это значило бы продѣлать предварительно въ области греческаго права ту же работу, какая имъ продѣлана для римскаго.

Диспутантъ отнюдь не отрицаетъ необходимости для юриста заниматься вопросомъ объ юридическомъ „природѣ юридическихъ лицъ“. За предѣлы компетенціи юриста, какъ таковаго, онъ выводитъ лишь попытки германистовъ вскрыть „реальный субстратъ“ юридическихъ лицъ.

Второй официальный оппонентъ проф. Д. Д. Гриммъ заявилъ, что и по его мнѣнію диссертация г. Ельяшевича свидѣтельствуетъ о крупномъ талантѣ автора, его огромной эрудиціи, живомъ критическомъ чутьѣ и способности къ научному творчеству, въ виду чего русская цивилистическая наука имѣетъ полное основаніе радоваться появленію новой выдающейся силы. Въ частности проф. Гриммъ отмѣтилъ, что авторъ, пользуясь богатой литературой предмета, весьма отчетливо указалъ, какія конкретныя потребности вызвали появленіе института юридическихъ лицъ, прекрасно разъяснилъ техническое значеніе созданія этой категоріи, ярко обрисовалъ послѣдовательный ходъ развитія отдѣльныхъ элементовъ самостоятельной союзной правоспособности въ

римскомъ правѣ. Авторъ подробно выяснилъ (въ особенности на исторіи римскихъ союзовъ) не только возможность существованія на ряду съ правоспособными и неправоспособныхъ коллективныхъ организацій, съ точки зрѣнія внутреннихъ ихъ отношеній вполне сходныхъ съ первыми, но и историческій приоритетъ этихъ „неправоспособныхъ“ союзовъ.

Недостатокъ работы проф. Гриммъ видитъ прежде всего въ тенденціи къ чрезмерному упрощенію ученія о юридическомъ лицѣ. Авторъ какъ будто полагаетъ, что въ изученіи конкретныя явленій, подходящихъ съ точки зрѣнія данной правовой системы подъ категорію юридического лица, остается только констатировать, что „юридическимъ лицомъ является та организація, которая въ оборотѣ разсматривается какъ единство“ (стр. 452, 453). Все остальное, что заключается въ „теоріяхъ“ о юридическомъ лицѣ, въ сущности только попытка дать „философское“ обоснованіе этой новой юридической формы. Принимая понятіе юридического лица, какъ данное, ученые пытались найти высшее логическое объясненіе и принципиальное обоснованіе этого понятія и даже вскрыть его „реальный субстратъ“, ставя себя тѣмъ самымъ задачі, лежащій, по мнѣнію автора, совершенно въ компетенціи юриста, какъ такового (стр. 23). Съ этимъ, по мнѣнію оппонента, нельзя согласиться. Изученіе конкретныя явленій, которыя съ точки зрѣнія данной правовой системы подходятъ подъ категорію юридического лица, какъ бы цѣнно оно само по себѣ, все же оставляетъ открытымъ цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ самостоятельной разработки, какъ то вопроса о томъ, распространяется ли категорія юридического лица за предѣлы коллективныхъ организацій, каковъ въ частности характеръ учреждений, (форма коллективныхъ организацій или особаго рода имущественные комплексы), каково отношеніе категоріи юридического лица къ категоріи субъекта права, и т. д. У автора по всемъ этимъ вопросамъ замѣчаются характерныя колебанія и несогласованность въ сужденіяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работы онъ какъ будто допускаетъ, что категорія юридического лица шире категоріи коллективныхъ организацій, говоря, напр., что „правопорядокъ можетъ связывать свойство юридической личности съ любымъ явленіемъ или понятіемъ“ (стр. 20), или, характеризуя юридическое лицо, какъ „общія скобки, которыя обнимаютъ различныя по своей юридической сущности явленія“ (стр. 24). Въ другихъ мѣстахъ онъ, напротивъ, исходитъ изъ отождествленія юридическихъ лицъ съ коллективными организаціями. Такъ, возбуждая вопросъ о томъ, „всякая ли ассоціація можетъ быть надѣлена гражданской правоспособностью, не должна ли она удовлетворять для этого... извѣстнымъ требованіямъ, нѣтъ ли опредѣленнаго минимума условій“, (стр. 449), авторъ отвѣчаетъ на него утвердительно: „Во всѣхъ изученныхъ... образованіяхъ мы находимъ... извѣстную организацію и обособленное имущество“. Въ то же время онъ примыкаетъ къ ходячему взгляду на учрежденія какъ на „самостоятельныя имущества“, (стр. 437) ограничиваясь при этомъ простымъ заявленіемъ, что „юридическая сущность учрежденія заключается именно въ его самостоятельности, въ предоставленіи имуществу, посвященному опредѣленной цѣли, такой же позиціи, какую занимаетъ самостоятельный субъектъ права“, (стр. 444). Такимъ образомъ моментъ „организаціи“ здѣсь какъ будто и не причемъ. Столь же неясно то, что авторъ говоритъ объ отношеніи понятія юридического лица къ понятію субъекта права. Съ одной стороны, онъ находитъ, что рѣшеніе вопроса: „можно ли... разсматривать юридическое лицо какъ субъекта права“, зависитъ исключительно отъ того, какое содержаніе мы будемъ вкладывать въ это понятіе“, (стр. 453). Съ другой стороны, онъ оперируетъ съ поня-

тіемъ субъекта права, какъ съ чѣмъ-то совершенно опредѣленнымъ, говоря объ учрежденіяхъ Юстиніана, что „и здѣсь передъ нами самостоятельныя субъекты права“, (стр. 443). Так. обр. разсужденія самого автора свидѣтельствуютъ, что теорія юридического лица такъ-же мало исчерпываются опредѣленіемъ, что оно есть та „организація которая въ оборотѣ разсматривается какъ единство“, какъ теорія субъекта права учрежденіемъ, что это „пунктъ пріороченія субъективныхъ правъ“ и что одного изученія конкретныя явленій, подходящихъ съ точки зрѣнія данной правовой системы подъ категорію юридического лица, и исторіи ихъ развитія еще далеко недостаточно для построенія исчерпывающей теоріи о юридическомъ лицѣ.

Далѣе оппонентъ указалъ, что авторъ проявилъ нѣкоторую односторонность, выдвигая почти исключительно то соображеніе, что благодаря формѣ юридического лица разнымъ коллективнымъ организаціямъ открывалась возможность съ чрезвычайною легкостью и удобствомъ принимать участіе въ общегражданскомъ оборотѣ. При созданіи особой категоріи юридического лица играли роль и другіе моменты не менѣе, а отчасти даже болѣе важныя, чѣмъ соображенія о легкости и удобствахъ. Къ числу ихъ относятся тѣ гарантіи, которыя представляетъ форма юридического лица, во 1-хъ, съ точки зрѣнія участниковъ данной коллективной организаціи: возможность обойтись безъ фидуціаровъ и въ то же время ограничить имущественную отвѣтственность участниковъ передъ третьими лицами извѣстными предѣлами; во 2-хъ съ точки зрѣнія представителей или органовъ юридического лица: устраняется элементъ личной отвѣтственности передъ третьими лицами; наконецъ, въ 3-хъ, съ точки зрѣнія третьихъ лицъ: возможность обращенія взысканія на весь имущественный фондъ организаціи. Не меньшее значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что институты общаго оборота (вещнаго и обязательственного права) представляютъ собою формы, опредѣляющія объемъ правомочій и охраны по отношенію къ третьимъ лицамъ независимо отъ того, кто является субъектомъ соответствующихъ отношеній, и что эти институты по своей природѣ вполне совмѣстимы съ самыми разнообразными формами какъ единоличной, такъ и коллективной организаціи субъектовъ хозяйственныхъ отношеній.

Въ заключеніе проф. Гриммъ еще разъ подчеркнул высокую научную цѣнность и значеніе труда автора и выразилъ надежду, что онъ въ скоромъ времени обогатитъ нашу цивилистическую литературу новыми, столь же цѣнными изслѣдованіями.

Возражая проф. Гримму, В. Б. Ельяшевичъ признаетъ, что изслѣдованіемъ природы конкретныя явленій, обнимаемыхъ категоріей юридического лица, не исчерпывается теорія юридического лица. Если онъ особенно отбѣнилъ эту сторону, то лишь потому, что господствующая доктрина въ значительной степени пренебрегла ею. На такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о природѣ учреждений, онъ не остановился потому, что имѣлъ дѣло лишь съ явленіями римскаго права, гдѣ учрежденія никакой роли не играли. Противорѣчій между отдѣльными своими утвержденіями онъ не видитъ. Подводя вообще подъ категорію юридического лица не однѣ только коллективныя организаціи, онъ въ заключительныхъ параграфахъ книги, которыя цитируетъ оппонентъ, разсматриваетъ исключительно эти послѣднія, и потому изслѣдуетъ вопросъ о связи внутренней организаціи и юридической личности. — По отношенію къ вопросу о субъектѣ права въ книгѣ проводится совершенно опредѣленный взглядъ; именно, что для этого понятія существененъ лишь моментъ пріуроченія правъ и обязанностей къ опредѣленному центру. Но въ то же время диспутантъ полагаетъ, что для ученія объ юридическомъ лицѣ не имѣетъ значенія, будемъ

ли мы считать это последнее субъектомъ права, или нѣтъ; рѣшеніе этого вопроса зависитъ исключительно отъ воззрѣній на то, что такое субъектъ права.

Далѣе, онъ не только не сводитъ значенія юридической личности исключительно къ удобству участія въ оборотѣ, но прямо различаетъ три категоріи организацій: одну, гдѣ юридическая личность необходима, какъ единственная форма участія въ оборотѣ; вторую—гдѣ она важна, такъ какъ создаетъ соотвѣтствіе между внутренними и внѣшними отношеніями данной организаціи, и, наконецъ, третью, которой, дѣйствительно, юридическая личность даетъ лишь болѣе удобныя формы участія въ оборотѣ.

Въ качествѣ частнаго оппонента выступилъ г. Мартыновъ, указавшій на непримѣнимость теоріи г. Ельяшевича къ исторически сложившимся формамъ коллективнаго обладанія землею.

По окончаніи диспута деканъ юридического факультета объявилъ, что по единогласному постановленію факультета г. Ельяшевичъ признанъ достойнымъ искомой степени. Это постановленіе было встрѣчено оживленными аплодисментами многочисленной публики.

Библиографія.

„Законы уголовные“. Составили В. Н. Новиковъ и Д. С. Постолюевъ. Сиб., 1910. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сборникъ представляетъ сводъ дѣйствующихъ общихъ уголовныхъ законовъ: въ него вошли уложеніе о наказаніяхъ со всѣми послѣдовавшими по нему измѣненіями, уголовное уложеніе 22 марта 1903 года (дѣйствующія статьи), съ дополнительными узаконеніями объ отвѣтственности по уголовному уложенію военнослужащихъ, и уставъ о наказаніяхъ; въ отдѣлѣ приложений помѣщены два новыхъ закона, не вошедшіе въ прод. XV т. свода зак. 1908 года: законъ 6 іюня 1909 года—объ усиленіи уголовной отвѣтственности за похищеніе лошадей и крупнаго домашняго скота, и законъ 22 іюня 1909 года—объ условномъ досрочномъ освобожденіи, съ разъясненіемъ главнаго тюремнаго управленія относительно порядка примѣненія его.

Изложенію текста законоположеній предшествуетъ очень подробно составленный (ССХХ—VI стр.) предметный алфавитный указатель, общій для всѣхъ помѣщенныхъ въ сборникъ матеріальныхъ уголовныхъ законовъ.

Хотя составители и не ставили своей задачей поясненіе текста какиихъ бы то ни было примѣчаніями, тѣмъ не менѣе въ выноскахъ къ отдѣльнымъ статьямъ мы встрѣчаемъ нерѣдко измѣненіе той нормы, на которую имѣется ссылка въ данной статьѣ, или указаніе редакціи, по коей изложена та или иная статья закона, или поясненіе относительно того, какая именно часть статьи закона является дѣйствующей; такія выноски, напримѣръ, указующія редакцію отдѣльныхъ статей закона, измѣнившую первоначальный ихъ текстъ, почему то не всегда имѣются, ихъ нѣтъ подъ ст.ст. 80, 86, 90, 94, 96 и многими др. угол. улож.—между тѣмъ какъ эти статьи изложены въ редакціи закона 14 марта 1906 года и др. узаконеній. Нельзя далѣе не поставить въ упрекъ составителямъ отсутствіе поясненія къ ст. 309 угол. улож. относительно объема ея дѣйствія; статья эта предоставляетъ суду право приостановить временное изданіе или запретить его навсегда; но это правило относится не ко всѣмъ введеннымъ въ дѣйствіе статьямъ уголовного уло-

женія, предусматривающимъ преступныя дѣянія, совершаемыя посредствомъ печати, а лишь по дѣламъ о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій (см. ст. 1 отд. IV Высоч. утв. 14 марта 1906 г. мн. госуд. сов.; собр. узак. 1906 г., № 73, ст. 461); такое поясненіе къ означенной статьѣ является не менѣе необходимымъ, чѣмъ поясненія, помѣщенные составителями.

Въ отдѣлѣ сборника, посвященный дѣйствующимъ статьямъ уголовного уложенія, вошли не „все“, дѣйствующія въ настоящее время статьи, такъ, напримѣръ, нѣтъ законоположеній о нарушеніи постановленій, ограждающихъ общественное спокойствіе (ст. 279), о преступныхъ дѣяніяхъ противъ личной свободы (ст. 500), о неистребствѣ (524—529 ст.) и друг.

Сборникъ не безъ опечатокъ; на стр. 575 въ изложеніи ст. 84 угол. улож., въ 4-й сверху строкѣ, напечатано „или секту“; между тѣмъ въ редакціи этой статьи по закону 14 марта 1906 года этихъ словъ нѣтъ; ср. также на стр. 573 первую снизу строкѣ; въ указателѣ противъ „конокрадство, условное досрочное освобожденіе“ неправильно названа соотвѣтствующая страница.

П. Ц—кинъ.

Отвѣты редакціи.

Подписчику № 929.

Въ судебное мѣсто представленъ судебнымъ приставомъ при своемъ производствѣ исполнительный листъ. Можетъ ли право собственности на этотъ листъ быть передано письменнымъ заявленіемъ на имя того судебного мѣста, въ которое онъ представленъ?

Требованіе, возникшее изъ судебного рѣшенія, составляетъ движимое имущество (р. г. к. д. 1880 г. № 270 и др.) и какъ таковое можетъ быть передаваемо. Для переуступки его обязательна письменная форма (р. г. к. д. 1892 г. № 110 и др.). Эта переуступка можетъ выразиться—и обычно выражается—въ передаточной надписи на самомъ исполнительномъ листѣ. Но нѣтъ основаній признавать недопустимымъ передачу правъ по исполнительнымъ листамъ и путемъ другихъ письменныхъ актовъ—особаго договора о передачѣ правъ по исполнительному листу или заявленія на имя судебного мѣста куда исполнительный листъ представленъ подобно тому, какъ путемъ заявленія суду можетъ быть передано право на искъ проводящейся въ судѣ (р. г. к. д. 1880 г. № 262 и др.). Но о состоявшейся передачѣ, если она не учинена надписью на самомъ исполнительномъ листѣ, долженъ быть извѣщенъ должникъ. Въ противномъ случаѣ, если о передачѣ судебнымъ мѣстомъ не будетъ сдѣлано надписи на листѣ, онъ вправѣ будетъ уплатить долгъ тому лицу, кому листъ выданъ.

Редакція доводитъ до свѣдѣнія н. подписчиковъ, что, давая годовымъ подписчикамъ бесплатныя отвѣты исключительно на точно и абстрактно сформулированныя юридическіе вопросы, она не даетъ бесплатныхъ консультаций по дѣламъ, не наводитъ справокъ и не рекомендуетъ повѣреныхъ и по запросамъ такого рода ни въ какую переписку не входитъ.

Редакція проситъ н. подписчиковъ къ своимъ письмамъ прилагать печатный адресъ, по которому получается „Право“.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 10-е мая, по угол. касс. деп.

Дѣло по обвиненію т. сов. Никитина, д. с. с. Павловскаго и колл. сов. Богданова въ преступленіяхъ по службѣ.

На 15-е мая, по 2 отд. угол. касс. деп.

Жалобы Пчелипцева саратов. о. с. 180² уст.; Еропутина могилевск. о. с. 170 уст.; Шевченко могилев. о. с. 1483 ул.; Чергесъ минск. о. с. 1656 ул.; Дорошенко кievск. о. с. 1455 ул.; Балонина череповецк. о. с. 1523 ул.; Бровцына новгород. о. с. 1453 ул.; Толстого на постановл. суд. слѣдов. спб. о. с.; Терлецкаго и др. на опред. могилев. о. с. Мохначна на опред. ростов.-на-Д. м. с.; Дейгена на опред. варш. с. п.; Куманскаго на опред. кiev. с. п.; Кожохора и др. кишинев. о. с. 170 уст.; Чурганова спб. о. с. 173 уст.; Воробьева и др. елисаветград. о. с. 1490 ул.; Глѣба и др. виленск. о. с. 1612 ул.; Яройшевой и др. череповецк. о. с. 1453 ул.; Зиличинскаго на опред. варш. гор. м. с.; Вареса на опред. ю.-веррок. м. с.; Грудзинской на опред. вилен. с. п.; волинской каз. пал. на опред. кременецк. м. с. по д. Моргунисъ и др.; Оброслинкаго на опред. 1 люблинск. м. с.

На 15-е мая, по 3 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Чугуевца рост. на Дону м. с. 1651 ул.; Бендрика и Жданова таганр. о. с. 1643 ул.; Русина екатеринб. о. с. 1642 ул.; Андраускаго и др. г.-гроб. м. с. 66 уст.; Ласскаго спб. ст. м. с. по обв. Аграновыхъ; Лютаевича рост. на Дону м. с. 180 уст.; Семененко харьк. о. с. 1489 ул.; Кручинина и Глазырина екатеринб. о. с. 1489 ул.; Исламова и Губандуллина екатеринб. о. с. 1455 ул.; Погорецкаго варш. гор. м. с. 29 уст.; Кекана спб. ст. м. с. 76¹ уст.; Гришко спб. ст. м. с. 123 уст.; Засыкина спб. ст. м. с. 115 уст.; Геращенко полт. о. с. 1485 ул.; бар. Врангеля в.-вейсеншт. м. с. по обв. Алавере по 169 уст.; Гурова спб. ст. м. с. по обв. Макарова по 174 уст.; Пошагина казан. м. с. 169 уст.; Дѣдика и Гайворонскаго харьк. о. с. 169 уст.; Гущина и др. тульск. о. с. 172 уст.; Брыляковыхъ екатеринб. о. с. 169 уст.; Ермакова и Ефимова петрозаводск. о. с. 39 уст. (2 дѣла); Карфункеля спб. ст. м. с. 169 уст.; Штубе в.-вейсеншт. м. с. 172 уст.; Имасъ литинск. м. с. 104¹ уст.; Корнюхина харьк. м. с. 142 уст.; Радзиковскаго и Анисимова 1655 ул.; Свѣтлаковыхъ вятск. о. с. 1642 ул.; Колотушкина рост. на Дону м. с. по обв. Кушнарева по 142 уст.; Лалкина и Голынцевой спб. ст. м. с. 135 и 142 уст.; Орлова и Казакова моск. ст. м. с. 180 уст.; Ветюшкина моск. ст. м. с. 43 уст.; Терціуса в.-вейсеншт. м. с. 170 уст.; Харитонина спб. ст. м. с. 131 уст.

Протесты: прокурора смолен. о. с. по обв. Бавриной по 169 уст.; Розоваго по 1641 ул.; товарищ. прокуроровъ: моск. о. с. по обв. Золотилова по 1655 ул.; тверек. о. с. по обв. Андрианова и Арефьевой по 1610 ул.; смолен. о. с. по обв. Киселева по 1609 ул.; ревельско-гансал. м. с. по обв. Ренке по 169 уст.; симбир. о. с. по обв. Сосина и Хронцевой по 567 ул.

На 13-е мая, по 4 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Суханова новочеркасск. с. п. 373 ул.; Морозова 2-го тифлисс. с. п. 1525 ул.; Борова и др. тифлисс. с. п. 1455 ул.; Ермакова иркутск. с. п. 1453 ул.; Вильнера одесск. с. п. 1466 ул.; Петраниса виленск. с. п. 282 ул.; Косого и др. одесск. с. п. 273 ул.; Луговскова ташкентск. с. п. 1485 ул.; Тимофеева спб. с. п. 1468 ул.; Чамары варш. с. п. 1464 ул.; Сла-

бушевскаго варш. с. п. 1523 ул.; Мислушевскихъ 2 ломжинск. м. с. Янчевскаго и др. по 134 ул.; Будаевского московск. с. п. 126 ул.; Карамурзаева и др. тифлисс. с. п. 1629 ул.; Султанова и др. тифлисс. с. п. 269¹ ул.; Калмыкова и др. новочеркасск. с. п. 1489 ул.; Бейдуть-оглы тифлисс. с. п. 1455 ул.; Пищикова тобольск. о. с. 556 ул.; Аветисянца тифлисс. с. п. 556 ул.; Мирохина спб. с. п. 155 уст.; Скаржинскаго 2 варш. м. с. Розенталей по 172 уст.; Черника казанск. с. п. 283 ул.; Шебитченко харьк. с. п. 354 ул.; Горовича варш. с. п. 1525 ул.; Карацуква и др. тифлисс. с. п. 1549 ул.; Рабувия тифлисс. с. п. Китани по 1455 ул.; Шермазанова тифлисс. с. п. 1630 ул.; Бавыкина новочеркасск. с. п. 2 ч. 1483 ул.; Гублія тифлисс. с. п. 1629 ул.; Янцловскаго и др. саратовск. с. п. 341 ул.; Теръ-Мартirosянца тифлисс. с. п. 129 ул.; Сырутовича и др. виленск. с. п. 129 ул.; Первышева и др. асхабадск. о. с. 126 ул.; Гертнера варш. с. п. 1454 ул.; Когана спб. с. п. 1040 ул.; Мартынова новочеркасск. с. п. 129 ул.; Аносова новочеркасск. с. п. 347 ул.; Соланскаго 2 сувалск. м. с. 133 ул.; Вишнева одесск. с. п. 285 ул.; Богомазова новочеркасск. с. п. 362 ул.

Протесты: прок. тобольск. о. с. Новоселова и др. 1484 ул.; тов. прок. харьковск. с. п. Бердичевскаго по 282 ул.

Дѣла о возобновленіи: о Мельницкомъ; Евдокимовъ; Лебедевъ; Катковъ; Дубовъ; Кузнецовъ.

На 10-е мая, по 1 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: упр. жел. дор. съ Степановымъ, Карповымъ, Похорскими, Митрохиной, Воропаевымъ, фирмой „Шфейферъ, Шленкеръ и Шемлеръ“, Тржецкимъ, торг. д. „Германъ Мейеръ“, Хмельницкимъ, Андреевымъ; Веприка съ упр. привисл. жел. дор.; Таубеншляга съ упр. юго-зап. жел. дор.; общ. владикавк. жел. дор. съ Рѣзиковымъ; Ширмана съ общ. юго-восточныхъ жел. дор.

Съзодовыя: упр. жел. дор. съ Коралькевичъ, Наймаркъ, общ. писчебум. произв. „Соколь“, Гольдфедеромъ, Гальперномъ, Брегманомъ, Зальбергомъ, Володарскимъ и Гуринымъ, товар. „Проводникъ“, Змудзякомъ, Тверьяновичемъ, Зыграйхомъ, Юнгферъ, Гутманомъ, Гурариемъ; упр. сызрано-визем. жел. дор. съ Гераськинымъ, Зоринимъ; общ. моск.-казанской жел. дор. съ Никитинимъ, тов. „Василій Демидовъ“, Нестеровымъ; общ. ряз.-урал. жел. дор. съ Гуревичъ, Козловымъ, Волковымъ; Калькиса, Шубниковыхъ съ общ. моск.-винд.-рыбин. жел. дор.; восточнаго общ. тов. скл. съ росск. общ. страхов. и трансп. кт.; Гольста съ упр. сѣв.-запад. жел. дор.; сѣверныхъ жел. дор. съ Михайловымъ; торг. дом. „Баграмовъ и Степановъ“ съ общ. владикавк. жел. дор.; общ. варш.-вѣнск. жел. д. съ Гольдфарбомъ, Зильбергейтомъ; общ. владикавказской жел. дор. съ Горбаномъ; общ. лодзинской фабр. жел. дор. съ Амстердамеромъ.

На 10-е мая, по 2 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Витковскаго съ акц. общ. „Б. Гантке“, страх. общ. Россія съ Тамасюкомъ; Лисевичъ съ Юбъ и др.; Здановича по дѣлу о попеч. надъ безвѣстно отсутствующимъ Здановичемъ; Беегера съ Гарбовскимъ; Мельникова съ Новаковскимъ; Насфетера съ Шустеръ; Мадейскихъ съ Сверкъ и др.; Жоховскихъ съ Лейманомъ; Хайнце съ Генкель.

Съзодовыя: Шимонякъ съ Халупка; Бремера съ Брокманомъ; Питрина съ Зальцбергомъ; Цимековъ

съ Бѣликовской; Будзейко о призн. недѣйств. торг. по прод. недвиж. въ дер. Ошкине; Вальчика; Піотровскихъ съ Маковскимъ и др.; Лексинскаго съ Эйзенбергомъ; Людвигъ съ Вашевскими; Мокржевскаго и др. съ Кутыловскимъ; Цесека; Гржехци съ Фрайдманомъ; Врубеля съ Кубракомъ; Цымановскаго съ Мизлеромъ; Старновскаго; Савтырука; Вноровскихъ съ Вноровскимъ; Капусняка; Ицковича, Хоренслупа съ комм. канскаго уѣзда; Швая; Гржилия; Баса съ Антыга; Рутковскаго съ комм. канскаго уѣзда; правл. радомскаго общ. взаимн. кред. съ Коривассеромъ; Баця; Вилемека съ Томчикомъ; Врублевскаго съ Яницкимъ; Судовича съ Фрайндомъ; Пешеля съ Познанскимъ; Пильгуя; Грудзена съ Стахиромъ; Ліорента съ Ліорентомъ; Вештиса съ Ковалевскимъ; Гунека; супр. Фельдманъ съ Вайнрибомъ и друг.; Михайловской и Шлякиса; Шатенштейна съ Харламповичемъ; Мордоня; Павласека.

На 12-е мая, по 3 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: общ. моск.-каз. жел. дор. съ Агаповымъ; гришинскаго сельск. общ. съ ликвидац. комиссіей западно-донецкаго каменноугол. общ.; душеприказчик. Бродскаго о завѣщаніи; Сизова о прод. пмѣн. тов. мануф. „А. Бакулинъ и К^о“; Енукашвили и Тароншвили съ Джанелидзе; кутаисск. упр. земл. и госуд. имущ. съ Чумбуридзе; общ. раз.-уральск. жел. дор. съ Смагными; Волдыревыхъ и др. съ Менде; упр. жел. дор. съ Волошинымъ; бар. фонъ-Штемпель съ Терлецкимъ; Шейнберга и Каушанскаго съ тов. мануф. „И. и М. Василія Моргунова сыновей“; Симонова съ Фаддѣевымъ; кн. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой съ Лобановымъ; Павловой съ Скороходовымъ; опеку Дроница и Хряпова съ Теренинымъ; кр. с. Давидковецъ съ Сафирами; Чулкоца съ русск. мукомольн. тов.; общ. кр. с. Фокина съ Нордами и др.; Васильевой съ Охотиной и Королевой.

Сѣздовыя: Зенкина съ Скворцовымъ; Аралова съ тов. скоропечатни „А. А. Левенсонъ“; Португалова съ Ладыженскими; Бережковыхъ съ Ткаченко; Вязельщикова съ торг. д. „Кужерская стекольная фабрика бр. Хохряковыхъ“; Ульянова съ Соколовымъ; Длусскаго съ Филипповымъ; Самойловича съ Сандомирскимъ; Силькисовъ съ Маркманъ; торг. д. „В. С. Рогачевскій и Л. А. Золотаревъ“ съ торг. д. „А. Кенигъ“; Дученко Чоповскаго; Гераона съ админ. по дѣламъ Кольбе; Краессы съ Толоченковыми; Гринныхъ; Гуровичей съ сѣв. парох. общ.; Подоскаго съ Пархомовскимъ; Милоградова съ Шувайловымъ; Тваровскихъ и Отмаръ-Штейнъ съ Штейнбергами.

На 12-е мая, по 4 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Ремнева съ московскимъ рождественс. дѣвич. монаст.; Безносовой съ Жузговой; общ. дер. Айвасиль съ общ. дер. Дереккой; Побержанскаго съ штабомъ 1-й сибирск. пѣх. дивизіи; Триденцовой и др. съ Коншинымъ; Кравецкаго съ общ. китайск. вост. жел. дор.; Шмидтъ съ Кеферъ; Чепурнова съ Гарновымъ; Попова съ общ. новочеркасской станицы; Якобсона съ упр. сибирск. жел. дор.; восточ. общ. товарн. складовъ съ балашевск. Покров. женск. монаст.; Эденберга съ Ермоловымъ и Лысовымъ; могилевской римск.-кат. дух. кон. съ Олевинской, Глоуберзономъ; Гіацинтовой съ Гіацинтовымъ; фонъ Нейгофъ Лей съ Крашевскими; Колнакова съ общ. моск. ямск. слободы.

Сѣздовыя: Дацика съ Дацикомъ; Самохацкаго съ Тарановой; Радашевича съ Шуманскимъ; Гольдштейновъ съ Лерманомъ; свщ. Куриловича съ Дунаемъ; Довгалло съ кievскимъ удѣлн. окр.; общ. юго-вост. жел. дор. съ Ларионовымъ (о прекращ. дѣла); общ. ямщик. московско-тверск. слоб. съ Рыковымъ и др. (о прекращ.); Боканча, Тимофеева и др. съ Трохиными и др. (о возобн. дѣла); Дозе Укше и др. съ упр. жел. дор. (о возобн. дѣла).

На 13-е мая, по 5 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Андреевыхъ и Круковской съ Доброхотовымъ; Сѣрикова съ Рюминой; Прокудина и др. съ Машенскимъ; Черняковскаго съ Певзнеромъ; Морголиса Гордона съ Пимоновымъ; Калинина съ суд. пр. Дроздовымъ; Войтковскаго съ морскимъ вѣдомствомъ; Воронцовой по д. о продажѣ имѣнія Дорвойда; Духовой и др. съ Михайлецъ; Свѣшниковой съ Суринымъ; Васильева съ Тарасовымъ; Файнштейна съ Литвакомъ; конкурсн. упр. по д. несост. должника Игнатъева и Герасимова съ Ржановой; Периссу и Доницъ съ Крушеваномъ; Дижура съ Цимбалистомъ.

Сѣздовыя: Аведикова съ Комиссаровымъ; Филимошина; Будякова съ Вдаловымъ; Бодалова съ Кудриннымъ; Тавердіанца съ Симонянцемъ; Жильцова съ Полякомъ; Коврежиной съ Наумовымъ; тов. „А. Эрлангеръ и К^о“ съ Каргинными; Жидецкаго съ Дидковскимъ.

На 15-е мая, по 6 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: общ. рязанско-уральск. ж. д. съ Дворянчиковымъ, Стукалинымъ, Кругловымъ; адм. по д. акц. общ. южно-русскаго машиностроительнаго завода съ Хрупомъ; Дудкина съ общ. судостроительныхъ заводовъ въ Николаевѣ; московскаго общ. для сооруженія и эксплуатаціи подъѣздныхъ желѣзныхъ путей въ Россіи съ упр. владимірско-рязанской узкоколейной жел. дор.; Игнатенко съ общ. Брянскихъ каменноугольныхъ копей и рудниковъ; упр. жел. дор. съ Игнатъевымъ, Некрашевичемъ.

Сѣздовыя: упр. жел. дор. съ восточн. общ. товарн. складовъ, Берковичемъ, Левинсономъ, Рапопортомъ и Тульчинскимъ, Шерешевскими 2 дѣла Гальперномъ, Лашневымъ, тов. Губина, Авсѣевымъ и Альбинымъ 2 дѣла, Супраскинымъ, Ратнеромъ, Ивенской; Альпера съ Рабиновичемъ; Бермана съ Мельникомъ; Гоникбарга съ Мохрикъ; упр. юго-западн. жел. дор. съ Шерманомъ; Аркина и Эйзенберга съ упр. спб.-варш. жел. дор.; упр. привисл. жел. дор. съ Новогрудскимъ; общ. лодзинск. фабр. ж. д. съ фирм. Леонъ Рапопортъ и К^о, Финкенштейномъ; общ. варш.-вѣнск. жел. дор. съ Берковичами; Басова; Стриковскаго съ упр. юго-западн. жел. дор.; общ. юго-восточн. ж. дор. съ Глазковымъ; упр. привисл. жел. дор. съ Лейбовичемъ.

На 15-е мая, по 7 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: упр. юго-западн. ж. д. съ Березинымъ и Квашей; общ. моск.-казанск. ж. д. Вавиловыми; владикавказской ж. д. съ Просвирнинымъ; Заславскаго съ упр. екатерининской ж. д.

Сѣздовыя: упр. жел. дор. съ Докузинымъ, Тимофѣевымъ, Гамбургъ, Хайкинымъ и Альбинымъ, Вло-

давскимъ, Рабиновичемъ, Смушковичъ, Троецкимъ и др., Кроломъ, Левитейномъ, Якубовичемъ, Горъ, Гуревичемъ, Альбинымъ, Грузинеромъ и др., Троецкимъ, Айзенбергомъ, Секуномъ; Якобсона съ упр. харьк.-никол. жел. дор.; Минера и Альбина съ риг-орловск. ж. д.; упр. южныхъ жел. дор. съ Павловымъ; Сумберга и Гельмана съ упр. ливаво-ролоп. ж. д.; упр. юго-западн. ж. д. съ Срибникомъ, торг. д. Бр. И. и А. Захарько; Маргуліеса и Копкана съ общ. варш.-вѣнск. ж. д.; Лукомской съ общ. владикавказской ж. дор.; общ. моск.-касан. ж. д. съ торг. Савинимъ и Шмелемъ; упр. привислинской ж. д. съ Шерешевскими; Рубиновичемъ, Лейбовичемъ; Маргуліесовъ съ общ. варш.-вѣнск. ж. д.; Маркусфельда съ упр. привисл. ж. д.; Маргуліева и Магидсона съ общ. варшавско-вѣнской ж. д.

На 15-е мая, по соедин. прие. гр. касс. и 1-го д-та.

Поплавского съ Гершельманомъ; Фара съ Эвертомъ и др.; Рейнгардта съ Драчевскимъ и др.; Дубровина съ Драчевскимъ и др.; Кузьминой и др. Соловьева съ Орловскимъ и др.; Тархова съ Комко; Гордѣева съ Драчевскимъ; Картеля съ Лихачевымъ; Мельникова съ Черниговскимъ; Левицкаго съ Шрамченко; Жойдика съ министерствомъ народнаго просвѣщенія; Дарагана съ бывш. командиромъ николаевскаго крѣпостного пѣхотнаго полка; Набажасъ съ Соммовымъ.

На 10-е мая, по 1 экспед. суд. деп.

Апелляц.: по искамъ: фирмы „Джонъ Баттъ и К^о“ къ торговому дому „А. Шавельзонъ и К^о“ 10.336 р. и по встречному иску 14.600 р.; I. Биркенталь къ конкурсу, управленію по дд. несостоят. А. Альванга; Драпкина къ страх. тов. „Саламандра“ 3.814 р. 71 к.; Вишау къ Демботу 2.028 р. 13 коп.; Буланъ съ Павлова 11.250 руб. съ %; В. Ф. Демидова къ торгов. дому „М. М. и М. Х. Моносзонъ“ 3.000 р.; тоже въ суммѣ 6.000 р. съ %; тоже въ суммѣ 5.710 р. 56 к. съ %; по взаимнымъ искамъ Штейнера и Мартыновича.

Частныя: о продажѣ, залогѣ и перезалогѣ недвижимыхъ имуществъ: Скоропадской; Афанасьевыхъ; Тихомирова; Рожнова; Шульмейстеръ; Ностыевой; Радкевичей; Вознесенской; Курдюмовыхъ; Шбулянской; Вербицкаго; Курбатова; Панковыхъ; Авдуловской; Вагерь; Крылова; объ освид. уметв. способн. Г. Сельскаго.

На 13-е мая, по 1 экспед. судебного д-та.

Апелляціонныя: о свойствѣ несостоят. Смирнова; по искамъ: Минаевыхъ; Подчиненнаго къ Лужецкому о дачѣ отчета; Бабурина съ гр. Игнатьевымъ о 100.000 р. съ проц. (2 дѣла); биржевой артели т. д. „бр. Ляminy“ и Рямаева; Берлина къ торг. дому „И. В. Захарова С-я“ 6.300 р. съ проц.; тов. „И. и М. Василія Моргунова С-я“ къ Вайнштейну и Левину 12.000 р. съ проц.; Константинова и тов. „бр. С. В. и М. Моргуновы“; Лесли съ т. д. „бр. Джамгаровы“ 27.087 р. съ проц.

Частныя: по жалобамъ на московск. комм. судъ: душеприк. Соловьева, админ. Смирнова, Суворина, Птицына, Федорова, Богичева, тов. „В. О. Красавинъ съ бр.“ и Ерохиной, акц. общ. „Лютеръ“, завода „Астра“, прошеніе Моргунова: на спб. комм. судъ:

конк. Дицъ и русск. общ. торг. ант. тов.; Цыганова, кредитора Грейнерта, т. д. „Кунстъ Альберсъ“ и Гампанина, Перцова, Никольскихъ; на одесск. комм. судъ: Черепихина.

РЕЗОЛЮЦИИ.

29-го апрѣля, по 1 отд. угол. касс. деп.

Отмѣнены приговоры: Мещеряковой елисаветград. о. с.; Писарчука минск. о. с.; Масловой спб. ст. м. с.; Гринчукъ-Гриненко владикавказск. м. с.; Пивоварскаго 1 кѣлецк. м. с.; Лысенко саратовск. о. с.; Подалыка стародубск. о. с.; Янкевича варшавск. с. п.; Константиновой спб. ст. м. с.

29-го апрѣля, по 4 отд. угол. касс. деп.

Отмѣнены приговоры: Павловскаго спб. с. п.; Ковальчина московск. с. п.; Арыстангаліева сарат. с. п.; Блощинскаго радомысльск. м. с.; Булатовыхъ иркутск. с. п.; Познанскаго 1 кѣлецк. м. с.; Сардія тифлисск. с. п.

30-го апрѣля, по 2 отд. угол. касс. деп.

Отмѣнены приговоры: Барнштейна бердичев. м. с.; Зайцева могилевск. о. с.; Кучеренко и др. винницк. о. с.; Гонака елисаветградск. о. с.

30-го апрѣля, по 3 отд. угол. касс. деп.

Отмѣнены приговоры: Лестилъе спб. ст. м. с. (2 дѣла); Эпилика р.-гапсальск. м. с.; Голощекова московск. о. с.; Валыхъ ростов. н/д. м. с.; Щурова курск. о. с.; Немировскаго екатеринославск. о. с.; Сохина костромск. о. с.; Бѣлугина московск. о. с.; Илларионова смоленск. о. с.

28-го апрѣля, по гр. касс. деп.

По жалобамъ: Пивеса—рѣшеніе варшавск. гор. мир. сѣзда въ части отказа въ искѣ по отправкѣ № 1446 отмѣнено по нарушенію 142 ст. уст. гр. суд. и дѣло передано для новаго разсмотрѣнія въ отмѣненной части въ тотъ же мировой сѣздъ въ другой составъ судей; спб. гор. общ. упр. съ лейбъ-гвардіи стрѣлковымъ и преображенскимъ полками—рѣшенія спб. с. пал. по нарушенію ст. 647 и 648 о земск. повинн. изд. 1899 года отмѣнены и дѣла для новаго разсмотрѣнія переданы въ другой департаментъ той же палаты; восточнаго общ. тов. скл. съ Дубровинымъ—рѣшеніе спб. суд. пал. отмѣнено по нарушенію 711 ст. уст. гр. суд. и дѣло передано для новаго разсмотрѣнія въ другой департам. той же палаты упр. ж. д. съ Аронономъ—рѣшеніе виленскаго мир. сѣзда по нарушенію 45, 46 и 102 ст. уст. гр. суд. отмѣнено и дѣло для новаго разсмотрѣнія передано въ тотъ же мир. сѣздъ въ другой составъ судей; упр. жел. дор. съ Гинзбургомъ; рѣшеніе виленскаго мир. сѣзда по нарушенію 105 ст. уст. гр. суд. и 13 и 40 ст. уст. жел. дор. отмѣнено и дѣло для новаго разсмотрѣнія передано въ тотъ же мировой сѣздъ въ другой составъ мировыхъ судей.

Исключено изъ доклада: Нефедьева съ упр. московско-арославск. жел. дор.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

28-го апрѣля, по 4 отд. гражд. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: Воробьева; кутаисскаго упр. госуд. имущ. (дача Зендари); правл. вилевской молитв. школы; торг. д. К. Комовъ и бр. Тарасовы; Суходольскаго.

Переданы на уваженіе присутствія департамента: Дурье съ упр. казенн. ж. д.; минскаго упр. госуд. имущ. съ Порейко.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Сѣрикова съ Рюминой и др.

Исключено изъ доклада: имеретинскаго духовн. вѣдомства о разм. дачи Гвилены.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнено рѣшеніе: Цисара съ Лукашевичъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

29-го апрѣля, по 5 отд. гражд. касс. д-та.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: Захариади: русско-донецк. общ. каменноуг. и заводск. пром.; общ. владикавказской ж. д. съ Поповымъ; Волкова.

Передано на уваженіе присутствія департамента: Трилицкаго съ Кударенко.

Жалобы оставлены безъ разсмотрѣнія: Крестали; Бездѣтной.

Прекращено производствомъ навсегда: Витковскаго и Созанскаго съ Молодавской.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Пашковскаго; Василевскаго; Шульца; Чумакова.

Исключено изъ доклада: упр. жел. дор. съ Холловымъ.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Дубовова съ Сончевымъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

29-го апрѣля, по 6 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: гр. Головкина-Хвоцинскаго; торг. д. Н. Нейфельдъ; рязанско-уральск. ж. д. съ Антоновымъ; Хаймовича.

Исключены изъ доклада: Каменской; Горловыхъ; Дубинина; Рѣшетовой; ряз.-уральск. жел. д. съ Гуцинымъ; общ. с. Перевлѣсъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Плевако; торг. д. П. и Д. Унановы; Матусевича.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

Объявлена резолюція: Турбкія и Сефербія и Мусы-Бебердова — оставленіемъ жалобъ безъ послѣдствій.

30-го апрѣля, по 7 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: Циглеръ и др.; Томича.

Исключены изъ доклада: Наумова; Макарова; Супрунъ; Киблера.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Демидова; Шевченко; Гольденберга.

Исключены изъ доклада: кн. Кропоткиной; Пятровскаго; Цвѣткова.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

30-го апрѣля, по 8 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнено рѣшеніе: магистрата гор. варшавы съ За-левскими.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Гольяна. 2 дѣла; Файнштейна; Энзеля; Штерна; Вобровскаго; Орача; Когана; Дзенгелевской; Палигуры.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

1-го мая, по 9 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: общ. юго-восточн. ж. д. съ Потаповыми, Малышкиными; упр. южныхъ жел. дор. съ Сосковымъ.

Жалобы оставлены безъ разсмотрѣнія: упр. акцизн. сборами самарской губ. и уральской области съ Горичкиной; Егіазарова; Ткаченко и Петренковъ; Еремѣева.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Сергѣева; Максименка; боровичской уѣздн. земской управы; Щербакова.

Исключено изъ доклада: общ. рязанско-уральск. ж. д. съ Воскресенскимъ.

Жалобы оставлены безъ разсмотрѣнія: Канюки; Ковалева.

Затребовано объясненіе отъ окружн. суда: по дѣлу Бѣлявскаго съ Главинской.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

Издатель проф. В. М. Гессенъ.

Отвѣтственный редакторъ І. Е. Фриде.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

СПРАВКИ

всевозможн. навод. въ Сенатъ; плата по соглашенію. На отвѣтъ прил. 2 семикоп. марки.

Спб., 3-я Рождествен. ул., 24 кв. 30.

Студ.-юристъ

(пр. 6 сем.) ищетъ на лѣто работы, В. О. Кадетская л. д. 27, кв. 14-1.

Рогожинъ.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Анисимовъ, Федотъ, кр. д. Лужки.	С. о. 2 мая. № 35. Опекунск. упр. надъ личн. и имущ. по расточит. Р. VII, ст. 179.	Псковск. губ. пр.
Боренштейнъ, Хиль-Михель.	С. о. 10 мая № 37. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 618.	Варшавск. к. с.
Васильевъ, Анатолій Алексѣевъ, к. внукъ.	С. о. 6 мая № 36. Опек. надъ личн. и имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 180.	Глазовск. с. с.
Василевскій, Петръ Станиславовъ, мѣщ.	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ личн. и имущ. по умопомѣшат. Р. VI, ст. 170.	Спб. с. с.
Гавреленко, Алексѣй Ивановъ.	С. о. 10 мая. № 37. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 610.	Омск. о. с.
Грачевъ, Осипъ Осиповъ, мѣщ.	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ личн. и имущ. по разстр. умств. способн. Р. VII, ст. 171.	Московск. с. с.
Егоровъ, Павелъ Сидоровъ.	С. о. 6 мая № 36. Несостоят. долги. Р. VI, ст. 601.	Владимірск. о. с.
Зоринъ, Герша Лейбовъ, мѣщ.	С. о. 6 мая. № 37. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 600.	Бакинск. о. с.
Игнатъевъ, Николай Георгіевъ, сынъ чин.	С. о. 6 мая № 36. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 602.	Вѣрненск. о. с.
Кудрявцевъ, Петръ Ивановъ, ум. мѣщ.	С. о. 6 мая. № 36. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 605.	Псковск. о. с.
Комовскій, Андрей Сергіевъ, кап. въ отст.	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 175.	Московск. дв. о.
Базанцевъ, Никандръ Александровъ, кр.	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ личн. и имущ. по сумасшествію Р. VII, ст. 176.	Нижегородск. о. с.
Майеръ, Рихардъ Владиміровъ и Екатерина п. п. гр. подъ фирмою: „Вольдеръ Майеръ, вѣд. и сынъ“.	С. о. 10 мая. № 37. Несостоят. долги. Р. VI, ст. 614.	Ревельск. о. с.
Мешади-Мамедъ-Киза, Бике Ханумъ, мѣщ.	С. о. 6 мая № 36. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 599.	Бакинск. о. с.
Мазовъ, Иванъ Алексѣевъ, мѣщ.	С. о. 10 мая № 37. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 612.	Костромск. о. с.
Новиковъ, Іосифъ Игнатъевъ, куп.	С. о. 10 мая № 37. Несостоят. должникъ, Р. VI, ст. 611.	Кіевск. о. с.
Общество потребителей на привислинскихъ каз. желѣзн. дорогъ.	С. о. 10 мая № 37. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 619.	Варшавск. к. с.
Пржигода, Искъ-Лейба.	С. о. 10 мая № 37. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 618.	Варшавск. к. с.
Поповъ, Илья Васильевъ, куп.	С. о. 6 мая № 36. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 603.	Тульск. о. с.
Палатный, Иванъ Федоровъ, мѣщ.	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 178.	Переяславск. о. с.

П Р А В О.

Рѣшеткинъ, Петръ Петровъ, мѣщ.	С. о. 6 мая № 36. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 604.	Одесск. о. с.
Ростовцева, Татьяна Александрова, дв.	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 174.	Московск. дя. о.
Сытникъ, Василій Михайловъ, кр.	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ личн. и имущ. по расточит. Р. VII, ст. 177.	Сельск. упр. глобинск. Общ. Кременчугск. у. Самарск. губ. пр.
Тамикевъ, Романъ Егоровъ, кр. (онъ же Ройнъ-Тамикевъ).	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ имущ. по расточителн. Р. VII, ст. 169.	
Филиппосьянцъ, Теодросъ Леванъ, Иванъ Артемьевъ.	С. о. 6 мая № 36. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 198.	Банковск. о. с.
Фигуровскій, Петръ Николаевъ, п. н. гр.	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ личн. и имущ. по разстр. умств. способн. Р. VII, ст. 172.	Московск. с. с.
Шаровъ, Петръ Спиридоновъ.	С. о. 10 мая № 37. Несостоят. длжн. Р. VI, ст. 613.	Ставропольск. о. с.
Шибановъ, Николаевъ Сидоровъ, п. н. гр.	С. о. 2 мая № 35. Опек. надъ имущ. по расточителн. Р. VII, ст. 173.	Московск. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности

Званіе, имя, отчество, фамилія	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Дрябкинъ, Мендель Іовелевъ, куп.	С. о. 6 мая № 36. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1905 г. № 58 ст. 695), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 123.	Рижск. о. с.
Джаварасъ, Иванъ Спиридоновъ, куп.	С. о. 2 мая № 35. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1903 г. № 11, ст. 109), призн. злостной. Р. VIII, ст. 122.	Одесск. к. с.
Исаджановъ, Исаджанъ Степановъ.	С. о. 6 мая № 36. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1906 г. № 59, ст. 740), мировою съ кредитор. сдѣлкою. Р. VIII, ст. 125.	Московск. к. с.
Карабанова, Вѣра Иванова, куп. дочь.	С. о. 2 мая № 35. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1896 г. № 22, ст. 59), за смертью. Р. VIII, ст. 119.	Спб. с. с.
Меньшовъ, Дементій Егоровъ.	С. о. 6 мая № 36. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1902 г. № 7, ст. 69), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 124.	Московск. к. с.
Маневскій, Митрофанъ Александровъ, ум. к.	С. о. 2 мая № 35. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—свѣд. нѣтъ). признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 121.	Харьковск. о. с.
Семаковъ, Илья Никитинъ, мѣщ.	С. о. 10 мая № 37. Прекращ. опекунск. управл. (учрежд.—свѣд. нѣтъ), по предпис. вятск. губ. пр. Р. VIII, ст. 126.	Полинск. с. с.

Суфиевъ, Мулла-Ша-Мухсинъ-Сулейманъ.

С. о. 10 мая № 37. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1909 г., ст. 596), по ходат. кредитор. Р. VIII, ст. 127.

Ташкентск. о. с.

Фюртъ, Генрихъ-Вильгельмъ Генриховъ, ремесл.

С. о. 2 мая № 35. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1908 г. № 36), за прекращ. претензій. Р. VII, ст. 120.

Спб. к. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Асадъ-Бекъ-Кизы, Ханумою.	Паша-Бекъ-оглы, Карбаги Бегларъ-беку-Карбагаги.	С. о. 2 мая № 35. У елисаветпольск. нот. Мосѣвича, 18 окт. 1906 г. № 383. Р. IV, ст. 135.	Елисаветпольск. о. с.
Лужинскою, Анною Ксенофоновою, жен. подполк.	Цвѣткову, Алексѣю Ксенофонову, канд. правъ.	С. о. 2 мая № 35. У кievск. нот. Сварчевскаго, 7 марта 1896 г. № 1240. Р. IV, ст. 129.	Спб. о. с.
Лужинскою, Анною Ксенофоновою, жен. подполк.	Цвѣткову, Алексѣю Ксенофонову, канд. правъ.	С. о. 2 мая № 35. У варш. нот. Генриха Кокошко, 3 ноября 1895 г. № 2376. Р. IV, ст. 130.	Спб. о. с.
Лужинскою, Анною Ксенофоновою, жен. подполк.	Цвѣткову, Алексѣю Ксенофонову, канд. правъ.	С. о. 2 мая № 35. У варшавск. нот. Кокошко. 9 дек. 1893 г. № 1704. Р. IV, ст. 131.	Спб. о. с.
Маевскимъ, Яковомъ Станиславовымъ, кр. ковенск. у.	Маевской, Маріамнѣ Яновъ, кр.	С. о. 2 мая № 35. У мир. судьи 2 уч. томск. у. въ г. Нарымѣ 11 июня 1909 г. Р. IV, ст. 134.	Маевскій, Яковъ Станиславовъ.
Ружичко-де-Розенвертъ, Вѣрою Александровою, дв.	Ружичко-де-Розенвертъ, Николаю Львовичу, дв.	С. о. 2 мая № 35. У саратов. нот. Дыбова, 22 іюня 1899 г. № 1627. Р. IV, ст. 132.	Саратовск. о. с.
Ружичко-де-Розенвертъ, Вѣрою Александровою, дв.	Ружичко-де-Розенвертъ, дв.	С. о. 2 мая № 35. У вольск. нот. Трубецкаго, № 1438. Р. IV, ст. 133.	Саратовск. о. с.
Росляковымъ, Степаномъ Степановымъ, кр.	Болотову, Алексѣю Александрову, пр. п.	С. о. 2 мая № 35. У московск. нот. Плевако, 18 ноябр. 1909 г. № 8710. Р. IV, ст. 136.	Московск. о. с.